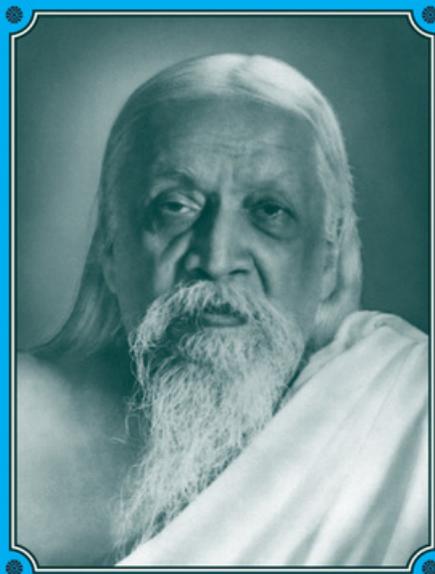

**ШРИ
АУРОБИНДО**

СИНТЕЗ ЙОГИ

III

Шри Ауробиндо
Шри Ауробиндо. Синтез Йоги – III
Серия «Шри Ауробиндо. Собрание сочинений», книга 19

Текст предоставлен издательством «Адити»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958348
Шри Ауробиндо. Синтез Йоги – III: Адити; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-7938-0073-0

Аннотация

Данная книга является последней частью «Синтеза Йоги». В ней представлено подробное описание способов достижения божественного совершенства человеческого существа и преобразования человеческой природы в божественную, – которые и являются главной целью Интегральной Йоги. Результатом подобного духовного преображения должно стать рождение гностического существа, обладающего безграничным сознанием Божественного, способного изменить это ограниченное, земное и смертное человеческое существование в Божественную Жизнь на Земле.

Содержание

Предисловие	4
Биографическая справка	5
Часть четвертая. Йога Самосовершенствования	8
Глава I. Основы Интегральной Йоги	8
Глава II. Интегральное Совершенство	13
Глава III. Психология Самосовершенствования	18
Глава IV. Совершенство ментального существа	24
Глава V. Инструменты Духа	31
Глава VI. Очищение низших уровней Ума	38
Глава VII. Очищение интеллекта и воли	44
Глава VIII. Освобождение Духа	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Шри Ауробиндо

Синтез Йоги III

«Вся жизнь – йога»

Предисловие

«Синтез Йоги» – главное, фундаментальное произведение Шри Ауробиндо, посвященное йоге. Оно состоит из четырех частей; в первых трех частях книги с позиций Интегральной Йоги рассматриваются основные пути традиционной индийской йоги: Карма-йоги (Йоги действий), Джняна-йоги (Йоги знания) и Бхакти-йоги (Йоги преданности); в четвертой части излагаются основы Йоги Самосозревания, предложенной Шри Ауробиндо. По словам самого Шри Ауробиндо:

«Синтез Йоги» не предназначался для того, чтобы дать метод, которому должны следовать все. Каждое направление йоги рассматривалось отдельно, со всеми его возможностями, и давалось объяснение того, каким образом разные пути йоги сходятся, – так, чтобы человек, начав следовать по пути Йоги знания, мог также достичь реализации Карма-йоги и Бхакти-йоги, и то же самое касается каждого пути. Было намерение, закончив раздел Йоги Самосозревания, предложить путь, на котором все системы йоги могли бы быть объединены, но эта часть так и не была написана.
18 мая 1936 г.

«Синтез Йоги» впервые начал издаваться в ежемесячном журнале «Арья», который выходил с августа 1914-го по январь 1921 г. Когда выпуск «Арьи» был прекращен, работа осталась незаконченной, и Шри Ауробиндо никогда не предпринимал попыток ее завершить. Тем не менее он частично отредактировал введение, существенно исправил первую часть «Йога божественных трудов» и внес значительные исправления в некоторые главы второй части «Йога интегрального Знания». Первую публикацию «Синтеза» в «Арье» и его незавершенную вторую редакцию разделяют более тридцати лет. В результате есть некоторые различия в терминологии между отредактированной и неотредактированной частями книги.

В 1948 г. главы, составлявшие «Йогу божественных трудов», были опубликованы отдельным изданием Библиотекой Шри Ауробиндо (Мадрас). Никакая другая часть «Синтеза» при жизни Шри Ауробиндо не издавалась самостоятельной книгой. В 1955 г. Международным университетским центром имени Шри Ауробиндо (Пондичери) «Синтез Йоги» был впервые опубликован в наиболее полном виде. Содержание этой книги, в которую вошли введение и четыре части, с незначительными изменениями использовалось для всех последующих публикаций.

В данном томе мы представляем вниманию читателей введение и первую вторую и третью части книги: «Йога божественных трудов», «Йога Интегрального Знания» и «Йога Божественной Любви».

Биографическая справка

Шри Ауробиндо – выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин – родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии – сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил выдающиеся способности в латыни и греческом, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 г. решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме по обвинению, грозившему ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей природы мироздания, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

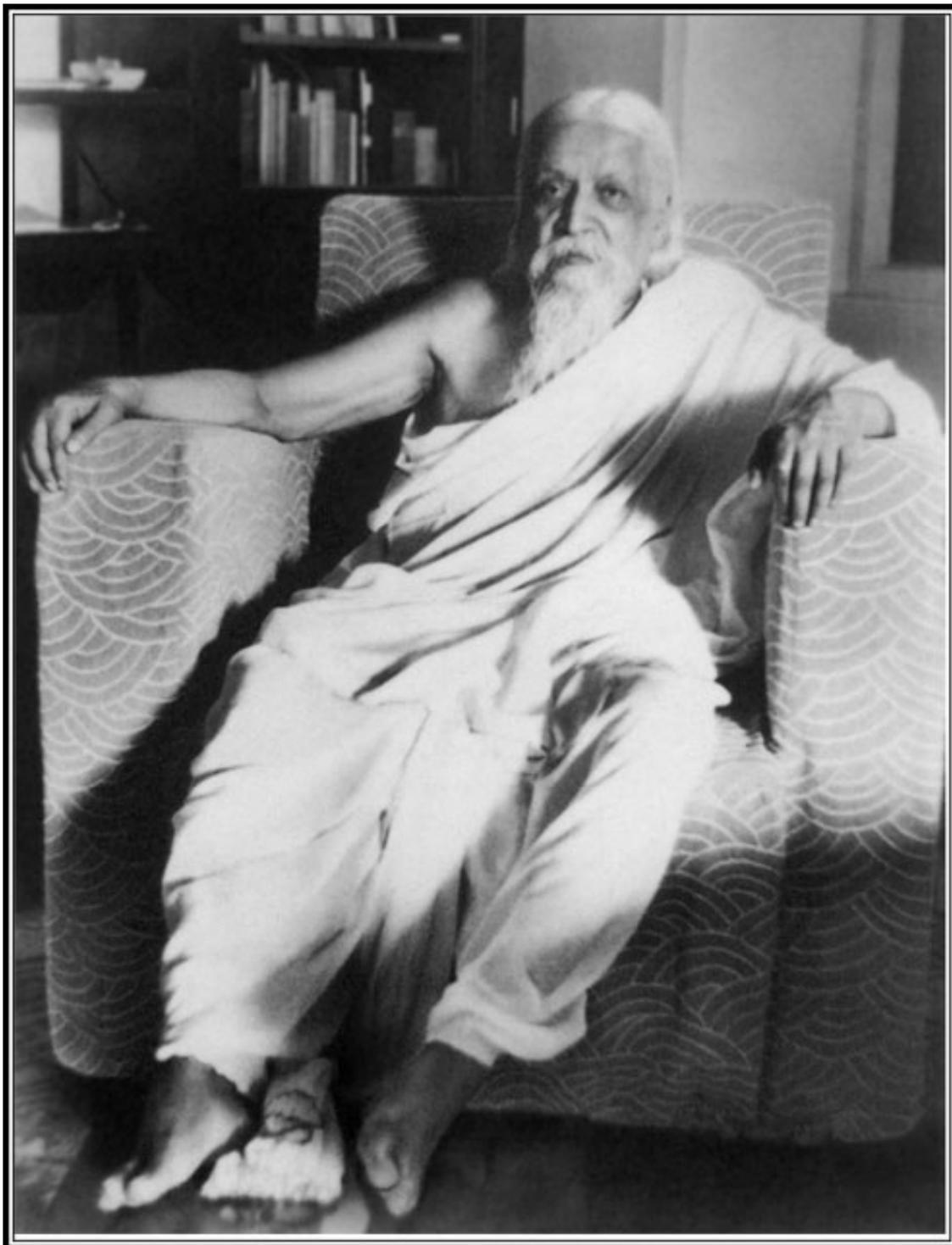
В 1910 г., повинувшись внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле «жизни божественной». Достижению этой цели он и посвятил себя, разработав для этого свою Интегральную Йогу.

С 1914 по 1921 г. он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, обретенного в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо – утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребывающего в Природе в результате предшествующей инволюции. Поэтапно восходя от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю истину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек – лишь переходное ментальное существо, чье призвание – достичь более высокого, «супраментального», уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Всю свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, предвещенного пророками всех времен и народов.

Шри Ауробиндо, Пондичери, 1950 г.

Часть четвертая. Йога Самосовершенствования

Глава I. Основы Интегральной Йоги

В основе йоги лежит превращение одной либо всех сил нашего человеческого существования в средство достижения божественного Бытия. В обычной йоге одна главная сила существа или одна группа его сил делается средством, орудием, способом достижения Божественного. В синтетической йоге все силы должны сочетаться и участвовать в процессе общего преображения.

В Хатха-йоге инструментом становится тело и жизнь. С помощью асан и других физических методов вся телесная сила приводится в состояние предельного или запредельного покоя, собранности, чистоты, возвышенности и сосредоточенности; жизненная энергия точно так же, с помощью асан и пранаямы, очищается, возвышается, концентрируется. Затем этот концентрированный поток энергий направляется в тот центр физического тела, где скрыто пребывает божественное сознание¹. Энергия Жизни или сила Природы, покоящаяся в свернутом виде со всеми своими тайными дремлющими силами в самом нижнем нервном сплетении человеческого тела (откуда до нас доходит и используется в нашей обычной деятельности только тот необходимый минимум, который достаточен для поддержания человеческой жизни и исполнения в ограниченных пределах ее нужд), пробудившись, поднимается от центра к центру² и в процессе этого подъема сама пробуждает силы, дремлющие в каждом нервном узле. Достигнув центра чувственной жизни и раскрыв его, она переходит к сердцу – средоточию обычных эмоций и ментальности, затем поднимается к центру речи, затем к центру видения, воли и возвышенного знания и, наконец, проходит через мозг и над ним встречается и соединяется с божественным сознанием.

В Раджа-йоге избранным инструментом является ум. Обычная человеческая ментальность сначала дисциплинируется, очищается и обращается к божественному Бытию, затем с помощью краткой практики асан и пранаямы физическая сила успокаивается и концентрируется, жизненная сила, освобожденная от ограничений, начинает ритмически циркулировать, и ее поток может быть остановлен, сконцентрирован и превращен в более высокую и направленную вверх энергию, ум, поддержанный и усиленный этой более мощной деятельностью и сосредоточенностью тела и жизни, служащими ему опорой, тоже очищается от всех своих беспокойств, волнений, привычных ментальных волн, избавляется от рассеянности и невнимательности, приобретает способность к предельному сосредоточению, обращению внутрь себя и погружению в глубокий транс. Благодаря этой практике достигаются две цели: одна временная, а другая – вечная. Ментальная энергия превращается в мощную силу, наделяющую ум сверхъестественными способностями к познанию, волеизъявлению, глубинному восприятию, генерированию идей, которые намного превосходят ограниченные возможности обычного человеческого разума; ум приобретает йогические или оккультные силы, которые до самого последнего времени окутывались такой ненужной, но в то же время полезной таинственностью. Однако главным итогом и чрезвычайно важным достижением становится то, что успокоенный и погруженный в глубокий транс ум может раствориться в божественном сознании, а душа обрести свободу и слиться с божественным Бытием.

¹ В Муладхара-чакру, располагающуюся в основании позвоночника. (Прим. ред.)

² Следуя восходящему порядку расположения чакр: Муладхара, Свадхистана, Манипура, Анахата, Вишуддха, Аджна, Сахасрара. (Прим. ред.)

На тройственном пути в качестве инструментов избираются три главные силы ментальной жизни души человеческого существа. Адепт пути знания останавливает свой выбор на разуме и ментальном видении и, с помощью очищения, сосредоточения и определенного обучения основам Богоискательства, превращает их в средства, помогающие ему стать видящим Бога и знающим Бога, то есть обрести самое великое знание и самое глубокое видение. Его цель – видеть, знать и быть Богом. Адепт пути действий, трудов, выбирает в качестве инструмента волю работника; он превращает жизнь в жертвоприношение Божеству и с помощью очищения, сосредоточения и определенной дисциплины подчинения божественной Воле делает ее средством связи и всевозрастающего единения души человека с божественным Владыкой вселенной. Приверженец пути преданности избирает эмоциональные и эстетические способности души и, придав им идеальную чистоту, предельную интенсивность и бесконечную страстность поиска, полностью обращает их к Богу, делая средством достижения Божественного благодаря установлению одного или многих типов отношений, ведущих к единению с Божественным Существом. Таким образом, каждый путь по-своему стремится достичь единения или единства человеческой души с верховным Духом.

Особенности практики каждой йоги зависят от того, что именно используется в качестве инструмента; так, практика Хатха-йоги носит психофизический характер, практика Раджа-йоги – ментальный и психический, практика Йоги Знания – духовный и когнитивный, практика Йоги Преданности – духовный, эмоциональный и эстетический характер, практика Йоги Трудов – духовный и динамически-активный характер. Каждая следует в русле избранной ею силы. Но все силы в конечном счете сводятся к одной: любая сила, на самом деле, является силой души. На уровне нашего обычного витального, телесного и ментального существования эта истина полностью вуалируется рассеянной, разделяющей и дифференцирующей деятельностью Природы – что является естественным условием всего нашего функционирования, – хотя даже здесь она, в конце концов, становится очевидной; ибо любая материальная энергия содержит в себе витальную, ментальную, психическую, духовную энергии и, в конце концов, должна раскрыть эти формы единой Шакти. Витальная энергия скрывает, освобождает и приводит в действие все остальные формы энергии; ментальная, опирающаяся на жизнь, тело, их силы и их деятельность, содержит неразвитую или только частично развитую психическую и духовную энергию существа. Но когда, благодаря йоге, любая из этих сил прекращает свою беспорядочную и сумбурную деятельность, поднимается на высочайший для нее уровень, максимально концентрируется, она становится проявленной энергией души и обнаруживает глубинное единство всех остальных энергий. Поэтому в практике Хатха-йоги тоже есть свои чисто психические и духовные результаты, а в Раджа-йоге, за счет использования психических средств, удается достичь духовной реализации. Тройственный путь с точки зрения целей и методов поиска может выглядеть чисто ментальным и духовным, но в то же время сопровождается результатами (появляющимися совершенно спонтанно), которые более характерны для других путей. По этой же причине, когда энергия души, являясь средоточием всех остальных энергий, достигает своей вершины в каком-то одном направлении, ее остальные возможности тоже начинают проявляться либо фактически, либо потенциально. Благодаря такому единству энергий синтетическая йога становится возможной.

Тантрическая дисциплина по своей природе является синтезом. Она основывается на великой универсальной истине, согласно которой существуют два полюса бытия: Брахман и Шакти, Дух и Природа, – чье сущностное единство заключает в себе тайну существования, – и эта Природа является силой духа или, скорее, духом в качестве силы. Тантра ставит перед собой задачу возвысить природу человека, превратив ее в проявленную силу духа, и она охватывает всю природу, чтобы духовно ее преобразить. Она включает в себя применение мощных практик Хатха-йоги, особенно связанных с раскрытием нервных центров

и пропусканием через них пробужденной Шакти, поднимающейся, чтобы соединиться с Брахманом, а также отчасти опирается на раджа-йогическое очищение, медитацию и сосредоточение, использует силу воли, мотивы преданности и ключевые элементы йоги знания. Однако Тантра не ограничивается эффективным сочетанием различных сил, характерных для этих специализированных йогических систем. Следуя своим путем синтеза, она расширяет поле йогического метода в двух направлениях. Во-первых, она стремится подчинить жесткому контролю большинство основных побуждений, лежащих в основе характера, желаний и поступков человека, и подвергает их строгой дисциплине, первой целью которой является подчинение его побудительных мотивов велениям души, а конечной – их возвышение до духовного и божественного уровня. Во-вторых, целью такого рода практики является не только освобождение,³ как это бывает в более узких йогических дисциплинах, а космическое наслаждение⁴ силой Духа, которое последователи других путей избегают делать своим мотивом или целью, хотя и могут время от времени, в какой-то степени или случайно испытывать его. Поэтому, по сравнению с другими, Тантра является более смелой и более широкой по своему охвату системой.

Рассматривая наш метод синтеза, мы исходим из других взглядов на возможности йоги и используем иной принцип объединения. Являясь в своей основе ведантическим, он, тем не менее, позволяет достичь целей Тантры. В тантрической системе главную роль играет Шакти, именно она становится ключом, отпирающим двери духа; в нашем же синтезе первостепенную важность имеет дух, душа: именно дух позволяет овладеть Шакти. Тантрист начинает с самой нижней ступеньки лестницы и поднимается по ней до самого верха; поэтому главное внимание вначале уделяется пробуждению Шакти, ее работе в нервной системе и ее центрах; раскрытие шести лотосов соответствует раскрытию шести уровней силы Духа. В нашем синтезе мы рассматриваем человека не как дух в теле, а, прежде всего, как дух в уме, и исходим из того, что человек способен, начав с ментального уровня, одухотворить свое существо энергией души в уме и открыть его напрямую более высокой духовной силе и бытию и с помощью этой высшей силы (научившись ею управлять и приводить ее в действие) усовершенствовать всю свою природу. По этой же причине мы считаем, что вначале нужно использовать силы души в уме и пытаться открыть двери духа тройственным ключом знания, трудов и любви; можно обойтись без практики Хатха-йоги, хотя не возбраняется использовать какие-то ее элементы, – методы Раджа-йоги могут быть включены только в качестве дополнительных средств. Мы, прежде всего, хотим кратчайшим путем прийти к самому широкому развитию духовной силы и духовного бытия и с их помощью обожествить освобожденную человеческую природу на всех уровнях ее существования.

Принцип, которому мы следуем, – это самоотдача, отказ от своей воли и предание всего своего человеческого существа Божественному, погружение в бытие, сознание, силу, блаженство Божественного; установление самого тесного и всеобъемлющего единения или контакта с ним в душе человека, ментального существа, благодаря которому само Божественное, открыв себя и став непосредственным обладателем и хозяином своего инструмента, светом своего присутствия и руководства сделает человеческое существо, на уровне всех действующих в нем сил Природы, совершенным и пригодным к божественной жизни. Таким образом, мы еще более расширяем задачи нашей йоги. Обычно начальной целью любой йоги является освобождение человеческой души от существующих природных ограничений и невежества, ее подъем в духовное бытие и единение с высочайшим «я» и Божественностью. Но, как правило, это становится не только начальной, но и конечной или единственной целью: человек, если и наслаждается духовным бытием, то либо благодаря утрате своей индивидуальности

³ *mukti*

⁴ *bhukti*

в безмолвии самосущего бытия, либо пребывая на более высоком уровне существования, в ином мире. Тантрическая система делает освобождение финальной, но не единственной целью; она предполагает совершенное овладение и наслаждение духовной силой, светом и блаженством на уровне человеческого существования и даже позволяет пережить некий проблеск высшего знания, в котором освобождение, космическая деятельность и наслаждение объединяются в конечном преодолении всех противоречий и диссонансов. Мы исходим из этого более широкого взгляда на наши духовные возможности, но несколько смещаем акцент в стремлении достичь более обширных целей. Мы смотрим на дух в человеке не просто как на некое индивидуальное существо, путешествующее по мирам с тем, чтобы, в конце концов, достичь трансцендентного единения с Божественным, а как на универсальное существо, способное к тождественности с Божественным во всех душах и во всей Природе. Придерживаясь этого более широкого взгляда на йогу, мы приходим к совершенно практическим выводам. Индивидуальное освобождение человеческой души и наслаждение единением с Божественным в духовном бытии, сознании и блаженстве должно всегда быть первой целью йоги; свободное наслаждение души единством с Божественным в космосе становится второй целью; но, как следствие первых двух, возникает и третья цель – достижение божественного единения со всеми существами через вселенское сострадание и участие в осуществлении духовных задач Божественного в человечестве. В этом случае индивидуальная йога перестает быть изолированной и становится частью коллективной йоги, осуществляемой божественной Природой в человеческой расе. Освобожденное индивидуальное существо, объединенное с Божественным в своей сущности и духе, становится на уровне своей природы самосовершенствующимся инструментом, способствующим полному и совершенному проявлению Божественного в человечестве.

Это проявление проходит в два этапа: сначала индивидуум расширяет свое сознание за пределы границ отдельного человеческого эго и становится единым в духе со всем сущим, а затем обретает божественную природу, облачаясь в ее подлинные высочайшие формы и избавляясь от низших форм ментального существования, которые являются уродливыми личинами, а не истинными чертами изначального образа, задуманного божественной Природой для космического индивида. Иными словами, необходимо стремиться к такому совершенству, которое предполагает возвышение ментальной природы и полное преобразование ее в духовную и супраментальную природу. Поэтому интегральная йога знания, любви и трудов должна расшириться и стать йогой духовного и гностического самосовершенствования. И поскольку гностические знание, воля и Ананда являются неотъемлемо присущими качествами духа и могут быть обретены только благодаря внутреннему возрастанию в духе и в восприятии божественного бытия, этот рост должен стать первой целью нашей йоги. Ментальное существо должно расшириться и достичь единства с Божественным прежде, чем цветок божественного знания сможет полностью раскрыться в душе человека. По этой причине тройственный путь знания, любви и трудов становится ключом всей йоги, так как для души в уме это самый прямой путь, чтобы подняться на высочайший уровень сознания и достичь божественного единства. По этой же причине йога должна быть интегральной. Ибо если бы мы стремились только к погружению в Бесконечное или к некоему тесному единению с Божественным, интегральная йога оказалась бы излишней; к ней можно было бы прибегнуть лишь для получения еще большей удовлетворенности, которую человек может испытать, когда всем своим существом поднимается к своему Первоисточнику. Но для достижения главной цели это не является необходимым, так как войти в контакт с Божественным можно, используя любую отдельную силу нашей природной души: каждая из сил, достигая вершины своего развития, возносит человека в бесконечное и абсолютное, каждая, таким образом, предлагает достаточно эффективный способ достижения цели, ибо все пути, в конце концов, встречаются в Вечном. Но гностическое существование пред-

полагает полное владение и наслаждение всей божественной и духовной природой, а для этого необходимо, чтобы вся природа человека полностью поднялась на уровень могущества его божественного и духовного существования. Таким образом, интегральность становится непременным условием этой йоги.

В то же время нам известно, что каждый из этих трех путей, если ему присуща определенная широта, может на вершине своих достижений включить в себя все силы остальных путей и привести к их духовным реализациям. Поэтому достаточно начать с какого-то одного и найти точку, где он пересекается с другими (поначалу идущими параллельно), а потом, благодаря расширению, сливается с ними. Вместе с тем можно было бы начать более сложный, более комплексный и более мощный процесс интеграции, двигаясь сразу по всем трем путям, опираясь на три энергии души. Но рассмотрение этой возможности следует отложить до тех пор, пока нам не станут ясны условия и средства йоги самосовершенствования. Ибо мы также ясно увидим, что нет никакой необходимости считать эту интеграцию исключительно делом будущего и что, возрастая в божественной любви, знании и служении, мы сможем определенным образом подготовить и мало-помалу начать этот процесс.

Глава II. Интегральное Совершенство

Наша цель – божественное совершенство человеческого существа. Поэтому нам необходимо понять, во-первых, каковы основные элементы этого всеобъемлющего совершенства, а во-вторых, что подразумевается под божественным совершенством и чем оно отличается от человеческого. То, что человек, как существо, способен развиваться и, по меньшей мере, приближаться к некоему идеалу совершенства, который он в состоянии себе представить, поставить перед собой в качестве цели и попытаться реализовать, является общепризнанным фактом для всего мыслящего человечества, хотя, вероятно, лишь немногие занимаются таким саморазвитием и делают достижение своего идеала главной целью жизни. К тому же одни считают таким идеалом мирское преображение, а другие – религиозное обращение.

Мирское совершенство иногда понимается как некий образец внешнего, успешного образа жизни, высокого социального положения или правильного поведения. Под ним подразумеваются более разумные отношения с людьми и более целесообразное взаимодействие с окружающей средой, более эффективное и добросовестное исполнение гражданского и общественного долга, более возвышенная, просветленная, насыщенная и радостная жизнь, в которой можно более справедливо и более гармонично реализовывать возможности, предоставляемые существованием. С другой стороны, есть люди, которые лелеют более внутренний и субъективный идеал: просветление и возвышение ума, воли и рассудка, упорядочивание и облагораживание природных сил и способностей, достижение более этически-возвышенного, эстетически-богатого, эмоционально-утонченного, более здорового и лучше организованного витального и физического существования. Иногда акцент делается на каком-то одном элементе с практически полным исключением всех остальных; иногда более широкие и трезво мыслящие умы видят всеобъемлющее совершенство в гармоничном развитии целого. Одни мыслители предлагают использовать чисто внешние средства – изменение образовательных и социальных институтов, другие считают, что подлинное решение проблемы заключается во внутреннем развитии человека и его работе над собой. Или же оба направления – внутреннее совершенствование человека и совершенствование его внешней жизни – объединяются и дополняют друг друга.

Однако следует заметить, что цели мирского и религиозного совершенствования различны, так как первое избирает своим поприщем земную жизнь и ее возможности и не выходит за эти пределы, а второе, наоборот, призывает подготовиться к загробному существованию, обычно делая своим идеалом ту или иную разновидность святости и чистоты, а средством – преображение несовершенного или греховного человеческого существа, осуществляемое либо через вмешательство божественной благодати, либо через послушание закону, провозглашенному Писанием или основателем религии. Религиозные цели могут включать и социальные преобразования, но в этом случае последние осуществляются через принятие общего религиозного идеала и жизни, как служения ему, уподобление общества братству святых, признание теократии и построение царствия Божьего, являющегося отражением царствия небесного на земле.

Что же касается нашей синтетической йоги, то ее цель и в этом и во всех остальных отношениях должна быть более интегральной и всеобъемлющей, то есть охватывать, гармонизировать или, скорее, объединять все эти элементы или те направления, которые предполагают как внутреннее, так и внешнее совершенство. И чтобы преуспеть в этом, мы должны постичь истину, которая шире обычного религиозного и выше любого мирского идеала. Вся жизнь есть тайная Йога, невежественное развитие и приближение Природы к обнаружению и реализации скрытого в ней божественного принципа. В человеческом существе, благо-

даря тому, что все его инструменты знания, воли, действия и жизни раскрываются Духу, пребывающему в нем и в мире, это развитие постепенно становится менее невежественным, более сознательным и просветленным, более целенаправленным и упорядоченным. Ум, жизнь, тело, все формы нашей природы являются средствами этого развития, однако своего высшего совершенства они достигают только тогда, когда открываются тому, что превосходит их, – во-первых, потому, что они не составляют всей целостности того, что представляет собой человек, а во-вторых – потому, что то, чему они открываются (и что является истинным существом человека), является ключом к его полноте и приносит свет, помогающий ему осознать, как, на самом деле, велико и грандиозно его существо.

Ум достигает своей полноты, открываясь более великому знанию, смутным отражением которого он является; жизнь обнаруживает свой подлинный смысл в более великой силе и воле, внешним и пока еще бессознательным проявлением которых она остается; тело обретает свое высшее назначение, когда становится орудием силы существования, создавшей его как физическую опору и материальную точку отсчета. Сначала все эти инструменты должны развиваться и реализовать свои природные возможности; вся наша обычная жизнь является попыткой реализовать эти возможности, и она предоставляет все необходимые условия, чтобы осуществить эту предварительную самоподготовку. Но жизнь не способна обрести свою абсолютную полноту до тех пор, пока не откроется этой более высокой реальности существования, для которой она, благодаря развитию более глубокой и могущественной силы и использованию способностей на более тонком уровне, становится хорошо подготовленным полем деятельности.

Интеллектуальное, волевое, этическое, эмоциональное, эстетическое и физическое воспитание и совершенствование очень полезны, но они являются, в конце концов, лишь бесконечным хождением по кругу и не в состоянии привести ни к какому окончательному освобождению и просветлению, если только они не достигают предела, на котором они могут раскрыться силе и присутствию Духа и допустить его непосредственное воздействие. Это непосредственное воздействие вызывает преобразование всего существа, что является обязательным условием подлинного совершенства. Таким образом, человек должен подняться в истину и силу Духа и, благодаря непосредственному действию этой силы, стать совершенным средством его самовыражения (иначе говоря, это человеческая жизнь в Божественном и божественная жизнь Духа в человечестве), – таковы принцип и окончательная цель интегральной йоги самосовершенствования.

Ход этого преобразования, в силу самой логики процесса, должен включать два этапа. Во-первых, как только человек осознает своим умом, ощутит своей душой и сердцем эту божественную возможность и увидит в ней истинную цель своей жизни, он предпримет личные усилия, готовя себя к ее реализации и избавляясь в себе от всего, что принадлежит низшему функционированию, всего, что препятствует его открытию духовной истине и ее силе, стремясь с помощью такого очищения овладеть своим духовным бытием и превратить все движения своей природы в свободные средства самовыражения Духа. Именно благодаря такой позиции человек начинает осознанно практиковать йогу и понимать ту цель, к которой она стремится. В результате происходит качественное изменение и возвышение его жизненных мотивов. До тех пор пока мы совершенствуем себя лишь интеллектуально, этически или как-то по-другому, стремясь достичь обычных целей, не выходящих за пределы привычного круга деятельности ума, жизни и тела, мы все еще практикуем подготовительную йогу Природы, по-прежнему остающуюся смутной и невежественной; мы все еще стремимся к обычному человеческому совершенству. Духовная жажда Божественного и божественного совершенства, стремление интегрально соединиться с Божественным на уровне всего нашего бытия и достичь духовного совершенства на уровне всей нашей при-

роды со всей очевидностью свидетельствует об этой перемене и становится предвестником великого интегрального преобразования нашего существа и нашей жизни.

С помощью личных усилий можно осуществить начальные изменения, добиться предварительного преобразования, которое сводится к более или менее значительному одухотворению наших ментальных мотивов, нашего характера и темперамента, а также к обретению власти над витальной и физической жизнью, изменению ее деятельности или успокоению. Это субъективное преобразование может стать основой для установления какой-то связи или единения души с Божественным на уровне ума, а также частичного отражения божественной природы в человеческой ментальности. Это самое большее, чего человек может достичь за счет своих собственных усилий, не получая никакой помощи или только опосредованную, так как эти усилия предпринимаются умом, а ум не может постоянно подниматься за свои пределы – ему в лучшем случае удастся достичь уровня одухотворенной или идеализированной ментальности. Если он поднимается выше, он чувствует растерянность и беспомощность и либо впадает в глубокий транс, либо становится совершенно пассивным. Для достижения более великого совершенства необходимо, чтобы в существо низошла более высокая сила и овладела всеми его функциями. Таким образом, второй стадией этой йоги становится целенаправленная передача всех движений природы в руки этой более великой Силы и замена личного усилия ее влиянием, управлением и действием. Все это должно продолжаться до тех пор, пока Божественное, к которому мы стремимся, не станет непосредственным владыкой йоги и не осуществит полное духовное и совершенное преобразование существа.

Благодаря тому, что в нашей йоге личные усилия сменяются божественным воздействием, она возвышается над мирским идеалом совершенства и в то же самое время намного превосходит более высокие, пылкие, но значительно более узкие религиозные устремления. Сторонники мирского идеала неизменно рассматривают человека как ментальное, витальное и физическое существо и делают своей целью человеческое совершенство, не выходящее за эти рамки. Они стремятся к совершенству ума, жизни и тела, расширению и облагораживанию интеллекта и знания, силы и воли, этических намерений, характера и поведения, эстетического чувства и творческой силы, удовольствий и наслаждений, настаивают на эмоциональной уравновешенности, витальном и физическом здоровье, более упорядоченной деятельности и подлинной эффективности. Эта цель широка и всеобъемлюща, но все же недостаточно широка и недостаточно всеобъемлюща, так как игнорирует тот более великий элемент нашего существа, который ум, имея о нем весьма смутное представление, считает духовным и либо оставляет неразвитым, либо не уделяет ему достаточного внимания, расценивая контакт с ним просто как какое-то высокое и случайное или побочное и второстепенное переживание и полагая, что это результат активности ума в какие-то исключительные моменты или нечто, полностью зависящее от него. Эта цель может стать высокой, если есть намерение развить более тонкие и обширные уровни нашей ментальности, но даже тогда она все еще недостаточно высока, так как не предпринимаются попытки подняться за пределы ума, к той реальности, по сравнению с которой наш самый чистый интеллект, наша самая яркая ментальная интуиция, наше самое глубокое ментальное восприятие, самая мощная ментальная сила и воля или самые благородные намерения и идеалы являются лишь слабыми отблесками. Что же касается жизни, то эта цель не предполагает ее коренного изменения и ограничивается лишь земным человеческим совершенством.

Йога интегрального совершенства исходит из того, что человек является божественным духовным существом, заключенным в плену ума, жизни и тела; поэтому ее целью является достижение освобождения и совершенства его божественной природы. Последователь интегральной Йоги стремится к тому, чтобы внутренняя жизнь полностью развитого духовного существа стала его настоящей и постоянной жизнью, а одухотворенная деятельность

ума, жизни и тела была лишь внешней человеческой формой выражения этой более глубокой жизни. Чтобы это духовное существо перестало быть чем-то смутным и неопределенным или же лишь отчасти реализованным и зависимым от ментальной поддержки и ментальных ограничений, он стремится превзойти ум и подняться к супраментальному знанию, воле, ощущению, чувству, интуиции, высшим динамическим истокам витальной и физической активности, то есть ко всему тому, что составляет естественную сферу деятельности духовного существа. Он не отвергает человеческую жизнь, но принимает во внимание обширную деятельность тонких сил, скрытую материальным фасадом земного существования, и одновременно входит в тесный контакт с божественным Существом – высшим началом всех этих частичных и более низких состояний бытия, – чтобы вся его жизнь осознала свой божественный источник и ощутила в каждом акте познания, волеизъявления, восприятия, ощущения и физического действия изначальный божественный импульс. Он приемлет все самые существенные элементы мирского совершенства, но расширяет его задачи, обнаруживает в его целях более глубокий смысл, пока что не ясный даже его апологетам, и живет им. Он возвышает и превращает этот ограниченный, земной и смертный идеал в нечто сокровенное, божественное и бессмертное.

Между интегральной Йогой и религиозным идеалом может обнаруживаться некоторое сходство, но она превосходит его по широте и величию своего замысла. Поборник религиозного идеала устремляет свой взор не только за пределы этого мира, но и прочь от него – к неким небесам или даже за пределы всех небес – к той или иной разновидности Нирваны. Его идеал совершенства сводится к любому внутреннему или внешнему преображению, которое позволяет душе в конце концов покинуть человеческую жизнь и погрузиться в запредельное. Под совершенством он обычно понимает религиозно-нравственное изменение, радикальное очищение активных и эмоциональных частей природы, часто связанное с аскетическим отвержением жизненных импульсов и умерщвлением плоти, что считается идеалом и венцом всех усилий. В любом случае, он устремлен в запредельное, хочет покинуть землю и получить в награду за свою праведную и набожную жизнь (или благодаря ей) место в раю. Все изменения, которые он приемлет, в том, что касается знания, воли, восприимчивости, сводятся к обращению соответствующих частей человеческого существа к достижению чего-то неземного и потустороннего и в конечном счете ведут к отвержению всех земных объектов чувственного восприятия, воли и знания. Ее метод – и неважно, на что он опирается, на личные усилия или на божественное влияние, на труды и знание или на милость, – предполагает не постепенное развитие, как в случае мирского совершенствования, а скорее, внезапное преображение; но все-таки конечной целью является не преображение ментальной и физической природы, а облачение в чистую духовную природу и бытие, а поскольку на земле это невозможно, искатель пытается достичь своей цели, переходя в другой мир или полностью покидая космическое существование.

Что же касается интегральной Йоги, то она основывается на идее вездесущего и всепроникающего духовного бытия, полнота которого достигается не благодаря переходу в другие миры или угасанию космической жизни, а благодаря росту сознания, позволяющему выйти из нашего нынешнего состояния бытия в феноменальном мире и осознать ту вездесущую реальность, которой мы всегда являемся в сокровенных глубинах своего существа. Религиозная набожность, таким образом, замещается всепоглощающим духовным поиском единения с Божественным. Мы начинаем с личных усилий и приходим к полному преображению благодаря влиянию Божественного и овладению Им. Но эта божественная милость, если ее можно так назвать, не просто чудесный дар или прикосновение свыше, а всеохватывающее влияние божественного присутствия, которое мы осознаём внутри себя как силу высочайшего «Я» и Владыки нашего существа, проникающую в душу и настолько полно овладевающую ею, что мы не только чувствуем ее близкой себе и оказывающей влияние на

нашу смертную природу, но и живем по ее закону, знаем этот закон и владеем ею, как силой, присущей нашей одухотворенной природе. В результате осуществляемого этой силой преобразования наши этические представления замещаются Истиной и Законом божественной природы, наше мышление – светом божественного знания, наши эмоции – божественной любовью и ощущением единства, наша воля и динамизм – работой божественной силы, наше эстетическое чувство – творческим наслаждением божественной красотой и ее всеобъемлющим восприятием; в конечном итоге преобразуются даже витальное и физическое существа. Интегральная Йога рассматривает всю предшествующую жизнь как непроизвольное, бессознательное или полусознательное развитие, как невежественную подготовку к этому изменению, а йогу – как добровольные и сознательные усилия, направленные на его осуществление. Благодаря этому изменению исполняются все цели человеческого существования во всех его аспектах, которое обретает полноту и совершенство. Наряду с принятием супракосмической истины и жизни в других мирах, искатель принимает истину этого мира и земную жизнь, как продолжение единого существования, а также идеал преобразования индивидуальной и коллективной жизни на земле, видя в нем осуществление ее тайного божественного замысла.

Для достижения интегрального совершенства нужно выполнить два главных условия: раскрыться супракосмическому Божественному и стать единым с универсальным Божественным. Здесь Йога самосовершенствования совпадает с Йогой знания, Йогой трудов и Йогой преданности; ибо, если нет единства с высшим Бытием, Сознанием и Блаженством, а также единства с универсальным «Я», пребывающим во всех вещах и существах, то невозможно преобразовать человеческую природу в божественную или сделать ее инструментом божественного знания, воли и восторга существования. Если человек по-прежнему ощущает свою обособленность, он может лишь погрузиться в божественную природу, но не овладеть ею полностью. Но это единство станет не просто внутренним ощущением духовного единения, ограниченного, пока длится человеческая жизнь, изолированным существованием в уме, жизни и теле; абсолютное совершенство предполагает установление, через это духовное единство, единства также и с другими постоянными аспектами космического бытия – универсальным Умом, универсальной Жизнью, универсальной Формой. Более того, поскольку мы приемлем жизнь как выражение Божественного, которое должно полностью проявить себя в человеке, необходимо, чтобы божественная природа во всей своей полноте могла действовать в нашей жизни, а это, в свою очередь, требует супраментального преобразования, в результате которого деятельность, присущая духовному существу, заменит собой несовершенную работу поверхностной природы и, благодаря своей духовной безупречности, одухотворит и трансформирует ее ментальные, витальные и физические части. Эти три элемента – единение с верховным Божественным, единение с универсальным «Я» и воздействие сверхразума на жизнь из этого трансцендентного источника и через эту универсальность, но с индивидуумом в качестве души-проводника и природного инструмента, – и составляют сущность интегрального божественного совершенства человеческого существа.

Глава III. Психология Самосовершенствования

Следовательно, по сути, это божественное самосовершенствование является преображением человеческой природы, в процессе которого происходит уподобление ее природе божественной, фундаментальное отождествление с ней, быстрое формирование человека по образу Бога и проявление в нем Его идеальных черт. Это то, что обычно называют *садришья-мукти* (*sād#śya-mukti*), то есть освобождение благодаря выходу за пределы ограничений человеческой личности и обретению сходства с Божественным или, если пользоваться языком Гиты, *садхармья-гати* (*sādharmya-gati*), то есть становление единым по закону своего бытия с трансцендентным, универсальным и имманентным Божественным. Чтобы ясно понять, как нам осуществить такого рода трансформацию, мы должны составить достаточно точное и реалистичное представление о том сложном комплексе, которым ныне является наша природа с запутанным переплетением ее разнообразных принципов, – с тем чтобы увидеть, каков характер преображения, которое должна претерпеть каждая часть природы, и каковы самые эффективные средства этого преображения. Ибо, чтобы действительно решить проблему человеческого существа и человеческой жизни, нужно знать, как освободить бессмертное Божество, скрытое в этом клубке мыслящей смертной материи, как сделать так, чтобы в этом ментализированном витальном животном пышно расцвели ростки скрытой в нем Божественности. Множество первых ростков этой божественности пробуждаются Жизнью, но, в силу жизненных противоречий, полностью раскрыться им не удастся; йога же позволяет распутать клубок противоречий Жизни.

Проблемы нашего существования и все его трудности порождаются нашим сложным психологическим устройством, поэтому нам прежде всего необходимо узнать его главный секрет. Однако обычная психология, которая не выходит за пределы внешнего ума и его феноменов, нам в этом не поможет; в нашем самоисследовании и самопреображении мы не получим от нее даже самых общих указаний. Еще меньше шансов найти ответ у научной психологии, которая основывается на материализме и утверждает, что тело и биологические и физиологические процессы нашей природы являются не только началом, но подлинной и единственной основой человека, и считает его ум лишь эфемерным порождением его жизни и тела. Такого рода утверждение если и может быть истинным, то только в отношении животной стороны человеческой природы, а такой взгляд на человеческий ум правомерен только на той стадии его развития, когда он ограничен и обусловлен физической частью человеческого существа. Однако главное различие между человеком и животным состоит в том, что животный ум, насколько мы его знаем, ни на секунду не может освободиться от своих корней, разорвать покров, плотную оболочку, которой телесная жизнь окутала душу, и превзойти себя, став чем-то более великим, свободным, прекрасным и благородным; в человеке же ум проявляет себя как более мощная энергия, превосходящая ограничения, налагаемые на существо телом и жизнью. Но даже это далеко не все, чем человек является или может стать: внутри него пребывает сила, позволяющая ему развивать и освободить еще более великую идеальную энергию, которая превосходит ментальные ограничения его природы и дает ему возможность обнаружить супраментальную форму и совершенную силу духовного бытия. В йоге мы должны подняться за пределы физической природы и внешнего человека и узнать, как функционирует природа реального человека во всей ее целостности. Иными словами, мы должны обрести и использовать психофизическое знание, имеющее духовную основу.

По своей подлинной природе человек является духом, использующим ум, жизнь и тело для получения индивидуального и коллективного опыта жизни и самопроявления во вселенной. И, какой бы сомнительной эта истина ни казалась для нашего нынешнего понимания

и восприятия себя, мы, ради достижения йогических целей, должны поверить в нее; тогда, по прошествии определенного времени, мы увидим, что наша вера подтверждается всевозрастающим опытом и более глубоким знанием себя. Этот дух является бесконечным существованием, ограничивающим себя рамками внешнего существа для получения индивидуального опыта. Это бесконечное сознание, которое ограничивает себя пределами конечных форм, чтобы испытать радость разнообразного познания и разнообразных возможностей бытия. Это бесконечный восторг бытия, расширяющийся и сжимающийся, разворачивающийся и сворачивающийся свои силы, скрывающийся и обнаруживающийся себя, выражающийся в бесчисленных формах свою радость существования, вплоть до внешне полного омрачения и видимого отрицания собственной природы. Сам по себе, этот дух является вечной Сат-Чит-Анандой, но эта сложность, это заключение бесконечного в конечном и освобождение из него – это внешняя форма, которую он принимает в универсальной и индивидуальной природе. Таким образом, фундаментальной основой духовного совершенства становится обнаружение внутри себя вечной Сат-Чит-Ананды – глубинной сути нашего существа – и пребывание в ней, а его активным принципом – зримое проявление ее подлинной природы в наших инструментах (сверхразуме, уме, жизни и теле), созидающей в них образ божественного бытия.

Чтобы проявиться в деятельности Природы, дух использует четыре инструмента – сверхразум, разум, жизнь и тело. Сверхразум является духовным сознанием, действующим как внутренне озаренное знание, воля, ощущение, восприятие, энергия и спонтанно творящая и всепроникающая сила его же собственного блаженства и бытия. Ум есть действие тех же самых сил, но действие ограниченное и лишь очень опосредованно и частично озаренное. Сверхразум пребывает в состоянии единства, хотя и взаимодействует с множеством; ум пребывает в разделяющем движении множества, хотя и может открыться единству. Ум не только подвержен неведению, но, поскольку он действует всегда, опираясь на фрагментарное и ограниченное видение, то он, по сути, становится орудием неведения: он может даже погрузиться и действительно погружается в полную бессознательность или несознательность, а затем пробуждается к неведению частичного знания и движется от неведения к полному знанию – таково его естественное развитие в человеческом существе, – однако, сам по себе, он не в состоянии обрести и никогда не обретет полного знания. Сверхразум неподвластен неведению; даже если он отодвигает абсолютное знание на задний план, идя на сознательные ограничения при выполнении конкретной работы, все, делаемое им, тем не менее соотносится с тем, что находится позади, а каждый его поступок озаряется внутренним светом; даже если он погружается в материальную бессознательность, он все равно делает именно то, чего требуют его совершенная воля и знание. Сверхразум поддерживает деятельность всех остальных инструментов; на самом деле он всегда присутствует в их сокровенных глубинах, служа тайной основой их действий. В материи он становится спонтанным развертыванием и осуществлением замысла, скрытого в вещах; в жизни его наиболее заметной формой становится инстинкт, инстинктивное, подсознательные или частично подсознательные знание и действие; в уме он проявляет себя как интуиция – быстрое, непосредственное и спонтанное озарение ума, воли, чувства, восприятия. Но все это лишь лучи сверхразума, приспособляющиеся к ограниченному функционированию более невежественных инструментов; по своей сущностной природе он является гнозисом, который сверхсознателен по отношению к уму, жизни и телу. Когда дух действует, пребывая в своих собственных сферах, то его характерным, озаренным и главным инструментом становится сверхразум или гнозис.

Жизнь является энергией духа, которая подчинена деятельности ума и тела. Эта энергия реализует свой потенциал через ментальную и физическую части природы и действует как связующее звено между ними. Ей присущ свой собственный тип функционирования,

но в своей деятельности она никогда не бывает независимой от ума и тела. Все энергии духа, приведенные в действие, работают ради целей существования и сознания, ради того, чтобы существование развивалось, а сознание проявлялось и реализовывалось, ради восторга существования и восторга сознания. В низшей сфере бытия, являющейся местом нашего нынешнего пребывания, витальная энергия духа действует, ограничиваясь с одной стороны умом, а с другой – материей. Она поддерживает и развивает формации, состоящие из материальной субстанции, действуя как материальная энергия. Она поддерживает формации рассудочного сознания и работу ментальной энергии. Она поддерживает взаимодействие ума и тела, действуя как чувственная и нервная энергия. То, что мы зовем витальностью, является силой сознательного бытия, предназначенной для осуществления задач нашего обычного земного существования, которая проявляется в материи, освобождает ум и более высокие силы от материи и в самой материи и поддерживает их ограниченную деятельность в физической жизни. И точно так же то, что мы зовем ментальностью, является силой сознательного бытия, которая пробуждается в теле и начинает воспринимать свет своего собственного сознания и осознавать все остальное существование, находящееся в непосредственном окружении. Эта сила сначала работает в круге, очерченном жизнью и телом, но в определенные моменты, и, достигая определенной степени интенсивности, она способна вырваться из этого круга и начать частично действовать за его пределами. Но ни ум, ни жизнь в своем проявлении не ограничены этими силами; у них есть свои собственные, специфические планы сознательного существования, отличные от этого материального плана, и там они могут действовать характерным для них способом и с большей свободой. Материя или само тело является ограниченной формой духовной субстанции, потенциально содержащей в себе жизнь, ум и дух, которые, из-за поглощенности своей внешней деятельностью, забыли себя и оказались скрыты от самих себя в этой форме, но, благодаря непреодолимому и естественному процессу эволюции, неизбежно должны проявиться. Более того, материя способна к очищению и превращению в более тонкие формы субстанции, которые, скорее, напоминают сгустившуюся энергию жизни, ума или духа. У самого человека, помимо его грубого материального тела, есть окутывающая его витальная оболочка, ментальное тело, тело блаженства и гнозиса. На самом деле, вся материя, любой материальный объект содержит в себе тайные силы этих более высоких принципов; материя, являясь формацией жизни, не может реально существовать отдельно от универсального духа, который ее наполняет и предоставляет ей энергию и субстанцию.

Такова природа духа и его инструментов. Но чтобы понять, каким образом он действует, и обрести знание, которое позволит нам поднять их над рутинной нашей нынешней жизни, мы должны осознать, что все действия Духа основываются на двух равноценных аспектах его бытия – Душе и Природе, Пуруше и Пракрити. Нам следует рассматривать их как два отдельных начала – ибо, с практической точки зрения, такое разделение вполне правомерно, – которые отличаются по своим возможностям, хотя, на самом деле, Душа и Природа это две стороны одной реальности, два полюса одного сознательного бытия. Пуруша, или душа, представляет собой дух, который осознает действия своей природы, поддерживает их своим бытием и, ощущая восторг бытия, наслаждается ими или отвергает такое наслаждение. Природа является силой духа, а также движением и деятельностью этой силы, определяющей имена и формы существования, формирующей деятельность сознания и расширяющей знание, устремляющейся вперед в виде намерения и побуждения, мощи и энергии, реализующей себя через наслаждение. Природа – это Пракрити, Майя, Шакти. При взгляде на ее самый внешний аспект, где она кажется противоположностью Пуруши, мы видим Пракрити – инертную и механическую силу, которая действует бессознательно или, если сознательно, то только благодаря свету Пуруши, и которая постепенно возвышается, проходя через различные уровни – витальный, ментальный, супраментальный, – в зави-

симости от степени озарения ее трудов сиянием души. Если взглянуть на ее внутренний аспект, на уровне которого она очень близка к единству с Пурушей, она становится Майей – волей, санкционирующей бытие и становление или прекращающей бытие и становление со всеми вытекающими и очевидными для сознания последствиями – инволюцией и эволюцией, существованием и несуществованием, самосокрытием духа и самораскрытием духа. И Пракрити, и Майя являются двумя аспектами одной Шакти – силы бытия духа, действующей в условиях кажущейся бессознательности либо сверхсознательно, как присущая духу сила знания, *джняна-шакти* (*jñāna-śakti*), либо сознательно, как присущая духу сила воли, *иччха-шакти* (*icchā-śakti*), либо подсознательно, как присущая духу сила процессов и действий, *крийя-шакти* (*kriyā-śakti*), — хотя на самом деле все эти три движения в один и тот же момент сосуществуют в одной и той же душе. Благодаря этой силе дух творит все сущее в себе, скрывает и обнаруживает себя в проявленных формах и за покровом своего проявления.

Пуруша благодаря этой силе своей природы может по своему желанию занять любую позицию и следовать тому закону и той форме бытия, которые наиболее соответствуют его представлению о себе. Он может быть вечной душой и духом, погруженным в энергию высшего существования и превосходящим и направляющим свои проявления; он может быть вселенской душой и духом, который развивается и обнаруживает свою силу в процессе становления своего существования, – бесконечным в конечном; он может быть индивидуальной душой и духом, следующим определенным курсом своего развития и находящимся в процессе становления, – внешне изменчивым и конечным существом в бесконечном. Он может быть всем этим сразу, вечным духом, существующим в универсальной форме в космосе и в индивидуальной форме в своих существах; он может также утвердить свое сознание в любой из этих позиций – отвергая, направляя или реагируя на деятельность Природы, – отодвинуть остальные позиции на задний план или отбросить прочь и осознать себя чистой вечностью, ни от чего не зависящей универсальностью или исключительной индивидуальностью. Душа, кажется, может стать любой формой природы и на уровне активной и наиболее внешней части своего сознания воспринимать себя только так; но она всегда больше того, чем кажется на первый взгляд; она также и все остальное, чем она может стать; по сути, она есть все, что пока еще скрыто в ней. Она не ограничена навсегда какой-то определенной формой, возникшей во Времени, а способна вырваться за ее пределы и превзойти, сломать или развить, избрать, отвергнуть, заново создать, явить из себя более великую форму. Если она, прилагая всю активную волю своего сознания, находящегося в ее инструментах, хочет стать тем, чем, по ее мнению, ей надлежит быть, она начинает становиться или становится этим, *yo yacchraddha# sa eva sa#*:⁵ видя то, чем она может стать, и абсолютно веря в возможность такого становления, она по природе своей раскрывается, вырастает, изменяется и превращается в это.

Эта власть души над своей природой крайне важна в йоге самосовершенствования; не будь ее, мы никогда не смогли бы, с помощью стремления и сознательных усилий, вырваться из тесных пределов нашего нынешнего несовершенного человеческого существования; если бы некое более великое совершенство и предполагалось, то мы были бы вынуждены ждать, пока Природа осуществит его в ходе своей медленной или быстрой эволюции. На уровне более низких форм существования душа соглашается с этой полной подчиненностью Природе, но по мере своего развития и подъема на более высокие уровни, она начинает ощущать в себе нечто, способное управлять Природой; однако такого рода свободная воля и управление становятся по-настоящему реальными, только когда душа полностью познает себя. Это изменение осуществляется в соответствии с этапами естественного развития природы,

⁵ Гита 17.3. (Прим. пер.)

а не каким-то чудесным и случайным образом или по прихоти некой высшей силы, то есть оно представляет собой целенаправленное развитие, закономерный и логически объяснимый процесс. Когда обретается полная власть над природой, этот процесс, в силу его эффективности и стремительности, может казаться уму чудом – такое случается, когда Божественное внутри нас, благодаря тесному единению с Ним нашей воли и бытия, берет йогу в свои руки и начинает действовать, как всемогущий владыка природы, – но все равно он подчиняется закону истины Духа. Ибо Божественное – это наше высочайшее «Я» и «я» всей Природы, вечный и универсальный Пуруша.

Пуруша может утвердиться на любом плане бытия, принять любой принцип бытия за непосредственное проявление своей силы, погрузиться в поток характерной для него сознательной деятельности и жить в нем. Душа может пребывать там, где царит принцип бесконечного единства верховного существования, и видеть в любом сознании, энергии, восторге, знании, воле, активности сознательную форму этой основополагающей истины, называемой Сат или Сатъя. Она может пребывать там, где царит принцип Тапаса, бесконечной сознательной энергии, и осознавать, как из верховного существования эта сила ради наслаждения бесконечным восторгом бытия разворачивает труды знания, воли и динамического духовного воздействия. Она может жить там, где царит принцип бесконечного самосущего восторга и переживать божественную Ананду, творящую из своего верховного существования и при помощи своей энергии любую гармонию бытия. В этих трех позициях преобладает осознание единства; душа живет, ощущая вечность, универсальность, единство, а любое проявление многообразия воспринимается не как нечто разделяющее, а только как одна из бесчисленных граней единства. Душа также может пребывать там, где царит принцип сверхразума, в сияющем свете знания, воли и действия, которые ни от чего не зависят и порождают ту или иную гармонию, выражающую абсолютный восторг сознательного бытия. Гнозис более высокого порядка основывается на единстве, но наслаждается многообразием; на более низких уровнях сверхразума многообразие является основой, но оно неизменно обращается к сознательному единству и находит радость в единстве. Эти сферы сознания находятся выше нашего нынешнего уровня бытия; по отношению к нашей обычной ментальности, принадлежащей низшей полусфере бытия, они сверхсознательны.

Низшее бытие, в котором мы пребываем, начинается, когда между душой и природой, между духом на уровне сверхразума и духом на уровне ума, жизни и тела опускается покров. Там, где покров не опустился, эти инструментальные силы остаются просветленными орудиями совместной деятельности сверхразума и духа и, следовательно, отличаются от того, чем они становятся в нас. Когда ум забывает обращаться к свету, давшему ему начало, и увлечен возможностями своего собственного изолированного существования и наслаждения, ему начинает казаться, что он действует независимо. Душа, когда она живет там, где царствует принцип ума, пока еще не подчинена жизни и телу, а просто использует их как свои инструменты, осознавая себя ментальным существом, которое формирует свою ментальную жизнь, ментальные силы и образы, а также тела, состоящие из тонкой ментальной субстанции, согласно своим индивидуальным знаниям, воле и динамизму, ограниченными его отношениями с другими подобными существами и силами в универсальном уме. Когда душа пребывает там, где царствует принцип жизни, она осознаёт себя существом универсальной жизни, руководствующимся желаниями в своих действиях и помыслах, которые также ограничиваются условиями, характерными для универсальной витальной души, действующей через множество витальных существ. Когда она обитает там, где царит принцип материи, она воспринимает себя материальным сознанием, которое подчиняется в своих действиях, соответственно, закону энергии материального бытия. По мере обретения знания, она начинает более или менее отчетливо воспринимать себя как душу ума, душу жизни, душу тела, наблюдающую за своей природой, действующую в ней или подвергающуюся ее

воздействию; если же она отвращается от знания и погружается в неведение, она воспринимает себя как эго, отождествленное с природой ума, жизни и тела, то есть творением Природы. К тому же изначальная тенденция материального бытия приводит к поглощенности энергии души актом формообразования и материального движения, вследствие чего сознательное существо погружается в забвение. Материальная вселенная начинается с кажущейся бессознательности.

Универсальный Пуруша, в определенном смысле, пребывает одновременно на всех этих планах и, опираясь на каждый из этих принципов, создает мир или серию миров с существами, живущими согласно природе этого принципа. Человек, будучи микрокосмом, содержит в своем существе все эти планы, начинающиеся с подсознательного и заканчивающиеся сверхсознательным. Когда в нем развиваются йогические способности, он может осознать эти миры, скрытые от его физического материализованного ума и чувств, которым известно лишь о материальном мире. В результате он начинает понимать, что его материальное существование (как и материальная вселенная, в которой он живет) не является чем-то отдельным и изолированным, а постоянно взаимодействует с более высокими планами и подвергается воздействию их сил и существ. Он может раскрыться, усилить действие этих более высоких планов в себе и наслаждаться тем, что он определенным образом участвует в жизни других миров – которые к тому же являются или могут стать его обителью или местом пребывания его сознания, *дхамой (dhama)*, после смерти или между воплощениями. Но его самой важной способностью становится умение развивать силы этих более высоких принципов в себе: более великую силу жизни, более чистый свет ума, сияние сверхума, бесконечное бытие, сознание и блаженство духа. Поднимаясь все выше и выше, он может трансформировать свое человеческое несовершенство в это более великое совершенство.

Но какой бы ни была его цель, каким бы высоким ни было его стремление, он должен начать с познания закона его нынешнего несовершенства, внимательно изучить его и понять, как он может быть превращен в закон возможного совершенства. Истоки этого закона его бытия коренятся в бессознательности материальной вселенной, в инволюционной погруженности души в форму и ее подчиненности материальной природе; и хотя в этой материи жизнь и ум уже развили присущие им энергии, они тем не менее ограничены и связаны с деятельностью грубой материи, которая невежественному прагматическому внешнему сознанию человека кажется его исходным и фундаментальным принципом. Несмотря на то, что он представляет собой воплощенное ментальное существо, ум в нем вынужден подчиняться телу и физической жизни и только благодаря достаточно напряженным усилиям и сосредоточенности может сознательно контролировать жизнь и тело. И только усиливая этот контроль, человек способен приближаться к совершенству, но достичь его он может, только развивая силу души. Сила природы в нем должна все более и более становиться полностью сознательной силой души, сознательным выражением всей воли и всего знания, которыми обладает дух. Пракрити должна открыться и предстать как Шакти Пуруши.

Глава IV. Совершенство ментального существа

С учетом этих условий, основная идея йоги самосовершенствования должна заключаться в коренном изменении отношений души человека с его ментальной, витальной и физической природой. В настоящий момент человек является частично осознающей себя душой, подчиненной уму, жизни и телу и ограниченной ими. Этой душе необходимо полностью осознать себя и стать владыкой своего ума, жизни и тела. Совершенная и осознающая себя душа, не ограниченная требованиями и нуждами своих инструментов, должна превосходить их и свободно владеть ими. В прошлом обретение власти над своим существом было основной целью духовных, интеллектуальных и нравственных усилий человека.

Чтобы стать настоящим хозяином своего существа, обладающим реальной властью над собой и полной свободой, человек должен найти в себе свое высшее «я», подлинного человека или высочайшего Пурушу, являющегося свободным владыкой неотъемлемо принадлежащей ему силы. Человек должен перестать быть ментальным, витальным и физическим эго; ибо эго всегда является творением, орудием и рабом ментальной, витальной и физической Природы. С помощью эго, которое не является нашим подлинным «я», Природа формирует в уме, жизни и теле ощущение ограниченного и обособленного индивидуального существования. В результате человек действует так, как если бы он был отдельным существом в материальной вселенной. Природа создала определенные ограничивающие условия, ставшие привычными, в которых осуществляется эта деятельность; отождествление души с эго является приемом, с помощью которого Природа убеждает душу согласиться с этой деятельностью и принять эти привычные ограничивающие условия. Пока это отождествление сохраняется, человек оказывается заключенным в узком кругу привычной деятельности, и пока он не вырвется за его пределы, его душа не способна использовать возможности своего индивидуального существования, а тем более реально превзойти себя. Поэтому в йоге очень важно отстраниться от внешнего чувства эго, вынуждающего нас отождествляться с деятельностью ума, жизни и тела, погрузиться вовнутрь и начать жить в душе. Избавление от поглощенного внешним миром чувства эго является первым шагом к свободе и власти души.

Когда человек, таким образом, отступает назад и погружается в душу, он обнаруживает, что он не ум, а ментальное существо, пребывающее за всеми движениями воплощенного ума, что он не ментальный и витальный индивидуум – ибо индивидуум является творением Природы, – а ментальная Личность, *маномайя пуруша* (*manomaya puruṣa*). Человек начинает осознавать внутри существо, которое использует ум для познания себя и мира и мыслит о себе как об индивидууме, чтобы с индивидуальных позиций воспринимать себя и мир, осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность, но при этом оно не является умом, жизнью или телом. Это ощущение отстраненности от витальных действий и физического существования коренным образом изменяет все его прошлые представления о себе; ибо, хотя Пуруша и чувствует, что его ум связан с жизнью и телом, он в то же время понимает, что, даже если тело умрет, а физическая жизнь прекратится, он продолжит существование в своем ментальном существе. Однако ему не так легко со всей отчетливостью осознать свою отделенность от ума. Но на самом деле это так и есть; об этом (и вместе, и порознь) свидетельствуют три интуитивных прозрения, в свете которых он живет и благодаря которым начинает осознавать свое собственное более великое существование.

Во-первых, он прозревает, что является неким существом, наблюдающим за деятельностью ума: она представляет собой некий процесс, протекающий в нем самом и в то же время перед ним, являясь объектом его внимательного изучения и познания. Такое осознание себя является интуитивным осознанием, свойственным Пуруше-свидетелю, *сакши* (*sākṣī*).

Свидетель-Пуруша – это чистое сознание, которое наблюдает за Природой и воспринимает ее как некую деятельность, отражающуюся в сознании и озаряемую этим сознанием, но не имеющую к нему никакого отношения. С точки зрения ментального Пуруши, Природа является только деятельностью, сложной деятельностью, которая включает в себя аналитическую и синтетическую работу ума, игру ощущений и эмоций, проявление воли, темперамента, характера и чувства эго, основывается на витальных импульсах, нуждах и желаниях и осуществляется в условиях, навязанных физическим телом. Но он не ограничен этой деятельностью, так как может не только придавать ей новые направления и все большее разнообразие, широту и утонченность, но и, прибегая к мышлению и воображению, действовать в ментальном мире намного более тонких и гибких творений. Также ментальный Пуруша прозревает, что, помимо этой деятельности, в которой он пребывает сейчас, есть нечто более великое и грандиозное: некая иерархия уровней сознания, по отношению к которой наша нынешняя природная деятельность является лишь внешним фасадом или ограниченной сферой поверхностного жизненного опыта. Благодаря этому прозрению он приближается непосредственно к познанию сублиминального «я», обладающего более широкими возможностями, чем та поверхностная ментальность, от которой он отделился. И, наконец, приходит последнее и самое великое прозрение – он начинает внутренне ощущать нечто, являющееся его более подлинным «я», нечто, настолько же превосходящее ум, насколько ум превосходит физическую жизнь и тело. Так он внутренне прозревает свое супраментальное и духовное существо.

Ментальный Пуруша может в любой момент снова на какое-то время погрузиться в поверхностную деятельность природы, начать жить, полностью отождествившись с механизмом ума, жизни и тела, и бессознательно повторять его привычные движения. Но раз это отделение однажды произошло и было пережито, даже если это продолжалось недолго, Пуруша уже не будет тем, чем был прежде. Эта вовлеченность во внешнюю деятельность теперь становится лишь временным забвением, от которого ему хочется очнуться и вновь ощутить чистоту своего изначального бытия. Можно также добавить, что Пуруша, отстраняясь от привычной деятельности этого внешнего сознания (создавшего для него его нынешнюю природную форму, с которой он поначалу отождествлял себя), способен занять и две другие позиции. Благодаря интуитивному прозрению он может почувствовать себя душой в теле, которая порождает жизнь как свою активность, и ум, как свет, озаряющий эту активность. Эта душа в теле является физическим сознательным существом, *аннамайя пурушей* (*annamaya puruṣa*), использующим жизнь и ум для получения главным образом физического опыта и рассматривающим всё остальное как результат такого опыта. Это существо ограничивается жизнью тела и, даже ощущая нечто, превосходящее его физическую индивидуальность, осознает только физическую вселенную и, в лучшем случае, свое единство с душой физической Природы. Но Пуруша также может ощутить себя душой жизни, отождествившейся с великим процессом становления во Времени и порождающей тело как форму или осязаемый образ, который может служить опорой, и ум как инструмент для сознательной интерпретации жизненных впечатлений. Эта душа в жизни является витальным сознательным существом, *пранамайя пурушей* (*pranamaya puruṣa*), которое способно увидеть то, что находится за пределами временных и пространственных ограничений физического тела, ощутить вечность прошедшей и будущей жизни, отождествиться с универсальным витальным существованием, но ему недоступно то, что находится за пределами непрерывного витального становления во Времени. Эти три Пуруши являются тремя формами души, с помощью которых Дух отождествляет свое сознательное существование с любым из этих трех планов или принципов своего универсального бытия и которые служат ему опорой для работы на этих планах.

Однако человек прежде всего является ментальным существом. Более того, в данный момент ментальность есть его высочайший уровень, находясь на котором он наиболее близок к своему подлинному «я» и с наименьшими усилиями и с максимальной шириной может осознать дух. Ему не прийти к совершенству, погружаясь во внешнее или поверхностное существование или отождествляясь с душой жизни или душой тела. Для этого он должен развивать и укреплять то, что ему открылось в трех ментальных прозрениях, чтобы, в конце концов, полностью подняться над физическим, витальным и ментальным уровнями. Занимаясь этим, он может двигаться в двух совершенно разных направлениях, каждое из которых ведет к своей цели и предполагает свои методы. Вполне возможно, что он предпочтет уйти из природного существования, отстранившись и отделившись от ума, жизни и тела. Он будет пытаться все больше и больше жить, как свидетель-Пуруша, просто созерцающий деятельность Природы, не интересуясь ею, не санкционируя ее, сохраняя бесстрашие, отвергая любую деятельность и все больше погружаясь в чистое сознательное существование. Таково освобождение Санкхьи. Он может углубиться в это более обширное существование, осознанное им, удаляясь от поверхностной ментальности и погружаясь в «сон со сновидениями» или «в сон без сновидений», открывающий ему доступ на более широкие или более высокие планы сознания. Уходя на эти планы, он может утратить связь со своим земным существом. В древние времена даже считалось, что таким образом можно попасть в супраментальные миры, возвращение из которых к земному сознанию либо невозможно, либо необязательно. И если ментальному существу удастся подняться в это духовное «я», которое оно начало осознавать, отворачиваясь от любых проявлений ментальности и устремляя свой взор ввысь, то такого рода освобождение станет окончательным и безвозвратным. Этот метод позволяет навсегда покинуть земное существование, либо достигнув растворения в чистом бытии, либо поднявшись к супракосмическому бытию.

Но если наша цель – не только отстраниться и освободиться от Природы, но и в совершенстве овладеть ею, то такого рода результаты не могут нас удовлетворить. Мы должны наблюдать нашу ментальную, витальную и физическую активность в Природе, отыскивать узлы связывающих ее пут, понять, как их можно развязать, обнаружить истоки ее несовершенства и найти ключ к совершенству. Когда Пуруша-свидетель отстраняется от своей природной активности и наблюдает за ней, он видит, что все происходит само собой, механически, по инерции – мысли и витальные импульсы непрерывно следуют друг за другом, одно физическое движение сменяет другое, процессы чередуются. Сначала деятельность природы кажется работой автоматического механизма, повторяющего свои движения, хотя ее результатом неизменно становится творение, развитие, эволюция. До сих пор Пуруша, как если бы был захвачен этим вращением, привязан к нему чувством эго и покорно следовал круговому и поступательному движению механизма. Как только он перестает быть душой, увлекаемой движением и считающей себя частью происходящего, и начинает смотреть на природный аспект своей ментальной, витальной и физической личности из этой неизменной отстраненности, он видит абсолютный механический детерминизм или поток детерминирующих действий Природы, который он поддерживает светом своего сознания.

Но при более внимательном рассмотрении нам становится ясно, что этот детерминизм не столь абсолютен, как казался на первый взгляд; именно Пуруша определяет и продолжение, и характер деятельности Природы. Наблюдающий Пуруша видит, что он поддерживает и в каком-то смысле наполняет и пронизывает эту деятельность своим сознательным бытием. Он обнаруживает, что без него эта деятельность не может продолжаться и что, когда он упорно отказывается санкционировать какие-то привычные движения, они постепенно ослабевают, гаснут и прекращаются. Вся его ментальная активность может быть, таким образом, приведена к полному спокойствию и тишине. Существует еще, правда, пассивная ментальная активность, которая продолжается механически, но и ее он тоже может оста-

новить, выйдя из нее и погрузившись в себя. Однако даже после этого сохраняется активность витальной природы на уровне ее наиболее материальных частей; но и она может быть аналогичным образом остановлена. Таким образом, обнаруживается, что Пуруша не только поддерживает (*bhart#*) Природу, но в определенной степени является ее владыкой, Ишварой. Именно осознание этой власти давать санкцию, этой необходимости его согласия давало ему возможность воспринимать себя, на уровне чувства эго, как душу или ментальное существо, обладающее свободной волей и способное определять все аспекты собственного становления. И всё же эта свободная воля кажется несовершенной, почти иллюзорной, так как на самом деле воля является частью механизма Природы, и каждое отдельное намерение определяется цепью прошлых действий и совокупностью созданных ими условий, хотя и может казаться самостоятельным намерением, заново рождающимся и творящим что-то новое, поскольку результат этих действий и совокупность этих условий в каждый момент времени приобретают новые черты и новое направление. До сих пор роль Пуруши сводилась к молчаливому одобрению и согласию с действиями Природы. Кажется, что он не в состоянии полностью управлять ею, а может лишь выбирать между некоторыми четко определенными возможностями, так как в ней есть сила сопротивления, порожденная и поддерживаемая инерцией, и еще более великая сила сопротивления, порожденная сочетанием созданных ею жестких условий, которые она преподносит ему как свод неизменных законов, требующих неукоснительного исполнения. Он не может радикально изменить ее способы действия, не может ни свободно воздействовать своей внутренней волей на ее текущие процессы, ни, пока он остается на уровне ума, настолько отделиться от нее или подняться над ней, чтобы действительно свободно управлять ею. Пуруша и Пракрити взаимозависимы: она зависит от его согласия, он зависит от законов, способов и пределов ее деятельности, – явная детерминированность опровергается чувством свободной воли, свободная воля аннулируется реально существующим природным детерминизмом. Он уверен, что она является его силой, но все-таки кажется ее рабом. Он пока еще не похож на абсолютного владыку, Ишвару, и остается лишь санкционирующим (*anumant#*) Пурушей.

Тем не менее, где-то существует состояние абсолютной власти, истинный Ишвара. Он ощущает Его присутствие и знает, что если ему удастся Его отыскать, то он обретет подлинную власть и станет не только пассивной одобряющей, наблюдающей и поддерживающей душой, а тем, кто свободно и полновластно использует и определяет действия Природы. Но чтобы обрести эту власть, ему, как он чувствует, нужно сменить ментальную позицию на какую-то другую. Иногда он обнаруживает, что пользуется этой властью, но как канал или инструмент; она приходит к нему свыше. И тогда становится ясно, что она супраментальна и представляет собой силу превосходящего ментальное существование Духа, которым, как ему уже известно, он является на вершинах и в тайной сути своего сознательного бытия. Таким образом, чтобы обрести власть и стать владыкой, ему необходимо отождествиться с этим Духом. Он может сделать это пассивно, отражая и воспринимая Дух своим ментальным сознанием, но тогда он – только форма, канал или инструмент, а не обладатель или носитель силы. Он может достичь отождествления, погрузив свой ум во внутреннее духовное бытие, но тогда он входит в транс отождествления и сознательная деятельность прекращается. Чтобы стать активным хозяином природы, он, вне всякого сомнения, должен подняться и обосноваться на более высоком супраментальном уровне, где возможно не только пассивное, но и активное отождествление с духом, управляющим всей Природой. Таким образом, пока он не найдет путь к этому более высокому уровню и не станет хозяином себе, Сваратом, ему не обрести совершенства.

Это восхождение осложняется природным неведением. Он является Пурушей, наблюдающим за ментальной и физической Природой, *сакии* (*sāk#*), но в полной мере не знающим ни себя, ни Природу, *жйāt#*. Знание на уровне ума озаряется светом его сознания; он

является тем, кто познаёт ментально; но, как он обнаруживает, это не подлинное знание, а лишь частичный поиск и частичное обнаружение, вторичный неясный отблеск и ограниченное использование более великого света, находящегося выше и являющегося подлинным знанием. Этот свет является самоосознанием и всеосознанием Духа. Достичь сущностного самоосознания Пуруша может даже на ментальном плане, отражая этот свет в душе ума или погружаясь в дух. И того же самого самоосознания можно достичь с помощью иного рода отражения или погружения – в душе жизни или в душе тела. Но чтобы по-настоящему приобщиться к всеосознанию Духа, с этим глубинным осознанием себя в качестве души, осуществляющей его деятельность, он должен подняться к сверхразуму. Чтобы стать владыкой своего существа, он должен познать себя и Природу, *jñātā īśvara*#. Частично это может быть сделано на более высоком уровне ума, где ум непосредственно взаимодействует со сверхразумом, но в полной мере и по-настоящему этим совершенством обладает не ментальное существо, а идеальная Душа или Душа знания, *vidжнянамайя пуруша (vijñānamāya puruṣa)*. Таким образом, самым эффективным способом достижения этого совершенства становится подъем ментального существа в более великое существо знания, а того – в «Я» Блаженства духа, *анандамайя пуруша (ānandamāya puruṣa)*.

Но никакого совершенства, а тем более такого совершенства, не достичь без радикального изменения нашей нынешней природы и отмены большей части того, что кажется неизменным законом ее сложного образования, являющегося тесным сплетением ментального, витального и физического существования. Этот закон был создан с конкретной и ограниченной целью – для временного сохранения, поддержания существования, владения, обеспечения роста, расширения, наслаждения, приобретения опыта, удовлетворения потребностей, деятельности ментального эго в живом теле. Данный закон, в конечном итоге, может служить и иным целям, но именно в этом заключается его непосредственное и главное предназначение и практическая польза. Чтобы природа могла служить более высоким целям и стала более свободным инструментом, нужно частично распутать это сложное сплетение ее ментального, витального и физического существования, превзойти его и преобразовать в нечто более широкое и гармоничное. Пуруша видит, что созданный закон – это закон отчасти изменчивого, отчасти неизменного детерминизма привычных (но все же развивающихся) переживаний, обусловленных избирательным восприятием и порожденных первоначальным смутным осознанием себя и не-себя, субъективного существования и объективной вселенной. Этот детерминизм характеризует деятельность ума, жизни и тела в процессе их воздействия друг на друга, и в этом взаимодействии присутствуют не только гармония и согласованность, но также разлад и несоответствие, взаимное подавление и ограничение. Подобное смешение гармонии и разлада наблюдается также между различными формами активности самого ума, самой жизни и физического существа. Всё представляет собой некий неорганизованный порядок, порядок, развившийся и выросший из постоянно царящего вокруг и вторгающегося хаоса.

Первым препятствием, с которым Пуруше приходится сталкиваться, становится эта смешанная и запутанная деятельность Природы – деятельность без ясного знания себя, без четко осознаваемого мотива, точного исполнения, кажущаяся лишь попыткой достичь всего этого и обладающая лишь общей и относительной эффективностью, – демонстрирующая поразительную приспособляемость в некоторых областях, но также множество недостатков и несоответствий. Эта сумбурная и запутанная деятельность должна быть упорядочена и исправлена; и главным средством самосовершенствования становится очищение. Все эти примеси и несоответствия приводят к различным формам рабства и ограниченности, но есть два или три главных узла связывающих нас пут (главным из которых является эго), которые дают начало всем остальным. От этих пут необходимо освободиться; очищение не завершено, если оно не принесло освобождения. Кроме того, достигнув определенной чистоты и

свободы, мы должны еще преобразовать очищенные инструменты так, чтобы они функционировали в соответствии с законом высшей природы, предполагающим более высокие цели, а также подлинный, всеобъемлющий и совершенный порядок. Благодаря такому преобразованию мы можем достичь определенного совершенства собственного бытия – наполниться покоем, силой и знанием и даже стать способными к более великой витальной деятельности и более совершенному физическому существованию. Одним из результатов достижения этого совершенства становится ощущение безграничного и чистого восторга бытия, Ананды. Таким образом, четырьмя составными элементами йоги являются очищение, освобождение, совершенство и восторг бытия – *шуддхи (śuddhi)*, *мукти (mukti)*, *сиддхи (siddhi)*, *бхукти (bhukti)*.

Но этого совершенства не достичь или (если это все же удалось) не сохранить во всей полноте и безграничности, если Пуруша настаивает на своем индивидуальном существовании. Перестать отождествляться с физическим, витальным и ментальным эго недостаточно; человек и на уровне души тоже должен утратить свою обособленность и стать истинной, универсальной личностью. На уровне низшей природы человек является эго, которое в своих представлениях проводит четкую границу между собой и всем остальным; и поскольку человек считает эго своим «я», все остальное становится для него не-«я» и находится вне его существа. Все его действия начинаются с этого представления о себе и о мире и основываются на нем. Но на самом деле это представление ошибочно. Как бы резко он ни отделял себя от всего остального мира в своих ментальных представлениях, ментальной или иной деятельности, он неразрывно связан с универсальным бытием: его тело неотделимо от универсальной силы и материи, его жизнь – от универсальной жизни, его ум – от универсального ума, а его душа и дух – от универсальной души и духа. Универсальное постоянно воздействует на него, вторгается в него, овладевает им, принимает в нем ту или иную форму; он же, в свою очередь, своими реакциями воздействует на универсальное, вторгается в него, пытается навязать ему свою волю, придать ему ту или иную форму, отражать его атаки, управлять и использовать его средства.

Через этот конфликт происходит внешняя реализация глубинного единства, принимающая из-за неизбежного начального разделения форму борьбы; две части, на которые ум разделяет неделимое целое, устремляются друг к другу, стремясь восстановить единство, и каждая пытается завладеть другой и вобрать ее в себя. Вселенная, кажется, постоянно пытается поглотить человека, а бесконечное – вновь завладеть этим конечным, которое старается защищаться и даже в ответ атаковать. Однако на самом деле универсальное бытие через эту внешнюю борьбу осуществляет свои замыслы в человеке, которому они неведомы, так как разгадка и истина этих замыслов и механизмов их осуществления недоступны его внешнему сознательному уму и только смутно ощущаются в темных глубинах подсознания и отчетливо осознаются на уровне господствующего сверхсознательного единства. К единству человека также подталкивает постоянный экспансивный импульс его эго, которое в меру своих сил пытается отождествиться с другими эго и с теми частями вселенной, которыми он может физически, витально и ментально овладеть и пользоваться. Стремясь познать свое собственное существо и овладеть им, он одновременно стремится познать окружающий мир природы, его объекты, орудия и существа и овладеть ими. Сначала он пытается достичь этой цели за счет эгоистического подчинения себе своего окружения, но, по мере его развития, в нем пробуждается и растет элемент сопереживания и сочувствия, порожденный тайным единством, и он приходит к идее расширяющегося сотрудничества и единства с другими существами, к идее гармоничного взаимодействия с универсальной Природой и универсальным бытием.

Свидетель-Пуруша в уме видит, что ущербность его усилий, а на самом деле вся ущербность человеческой жизни и природы, возникает из-за разделения и борьбы, являю-

щейся результатом этого разделения, из-за недостатка знания, недостатка гармонии, недостатка единства. Для него очень важно выйти за пределы границ своей индивидуальности, обрести универсальное сознание, сделать себя единым со вселенной. Это объединение можно осуществить только через душу, делая нашу душу ума единой с универсальным Умом, нашу душу жизни – единой с универсальной душой Жизни, нашу душу тела – единой с универсальной душой физической Природы. Когда это происходит, на деятельность природы оказывается мощное воздействие, степень которого зависит от силы, интенсивности, глубины, полноты и постоянства этого состояния единства. Особенно возрастает чувство глубокой и искренней симпатии, ментальной и витальной сопричастности – происходит стирание границ, отделяющих ум от ума и жизнь от жизни, истончение барьеров, возведенных телом, появляется возможность непосредственного ментального и другого рода общения и эффективного взаимодействия, что позволяет существенно улучшить нынешнее неадекватное и опосредованное общение и взаимодействие, которыми воплощенный ум в своем бодрствующем состоянии в основном до сих пор пользовался. Но Пуруша по-прежнему видит, что в самой по себе ментальной, витальной и физической природе всегда присутствует некий дефект, ущербность, хаотичность в действиях из-за механически неуравновешенного взаимодействия трех качеств или *гун* Пракрити. Чтобы превзойти эту игру трех гун, он должен не только стать универсальным в своем сознании и бытии, но также подняться к супраментальному и духовному бытию и стать единым с супраментальной душой космоса, универсальным духом. Он достигает в себе и во вселенной более широкого света и порядка, порождаемых более высоким принципом, который присущ деятельности божественной Сат-Чит-Ананды. Он даже может распространить влияние этого света и порядка не только на свое собственное природное существо, но и, в зависимости от широты поля действия в нем Духа, на мир, в котором он живет, на то, что его окружает. Он *сварам* (*svarāṅ*) – тот, кто знает себя и управляет собой, но благодаря этому духовному единству и восхождению за пределы собственных границ он начинает становиться *самрамом* (*samrāṅ*) – тем, кто знает и управляет миром, в котором живет.

Совершенствуясь таким образом, душа обнаруживает, что в процессе этого восхождения она осуществила один из фундаментальных замыслов всей интегральной Йоги: достигла единства со Всевышним и на уровне своего «я», и на уровне своей универсализированной индивидуальной природы. Пока человек остается в мире, он должен излучать это совершенство – ибо это неизбежное следствие его единства со вселенной и ее существами, – распространяя свое влияние и оказывая воздействие, которые помогают окружающим, способным воспринять их, подниматься или приближаться к тому же самому совершенству. Что же касается остального человечества, то он, оказывая влияние и действуя, будет способствовать его движению по пути духовного развития (как это может делать только духовный наставник или человек, который обрел полную власть над собой), помогая своим собратьям прийти к тому же самому совершенству или к проявлению образа более великой божественной истины в их коллективной и индивидуальной жизни. Он становится светом и силой Истины, к которой поднялся, и средством для восхождения других.

Глава V. Инструменты Духа

Если мы намерены достичь активного совершенства нашего существа, то в первую очередь необходимо обрести абсолютную чистоту в работе инструментов, которые сейчас могут исполнять лишь музыку, полную диссонансов. Само существо, дух, божественная Реальность в человеке, в очищении не нуждается; оно вечно чисто и не может быть затронуто дефектами своих инструментов или погрешностями в работе, допускаемыми умом, жизнью и телом, как, по словам Упанишады, солнце не может быть затронуто или омрачено дефектами зрения того, кто на него смотрит. Ум, сердце, витальная душа желаний, жизнь в теле – это средоточия нечистоты; именно они должны быть очищены и исправлены, если мы хотим, чтобы работа духа стала совершенной и не сопровождалась, как сейчас, большими или меньшими уступками низшей природе, требующей обманчивых удовольствий. Обычно чистотой называют либо негативную беспорочность, свободу от греха, обретенную за счет постоянного сдерживания любых считающихся неправильными действий, чувств, помыслов или намерений, либо высочайшую негативную и пассивную чистоту, абсолютное удовлетворение пребыванием в Боге, бездеятельность, полное успокоение вибраций ума и души желаний, ведущее в квинтетических⁶ дисциплинах к высшему покою; ибо тогда дух может проявиться во всей вечной чистоте своей безупречной сути. Считается, что, достигнув этого высокого состояния, больше нечего делать и нечем наслаждаться. Но здесь перед нами встает более сложная проблема осуществления многогранной, не слабеющей, а даже нарастающей и более интенсивной деятельности, основанной на совершенном блаженстве бытия и чистоте как инструментальной природы души, так и сущностной природы духа. Ум, сердце, жизнь, тело должны осуществлять труды Божественного, делать все, что они делают сейчас, и даже сверх того, но божественным образом. Искателю совершенства необходимо осознать, что его целью является не негативная, сдерживающая, пассивная или квинтетическая, а позитивная, жизнеутверждающая, активная чистота. Это первая проблема, с которой ему приходится сталкиваться. Благодаря божественному квинтетизму обнаруживается безупречная вечность Духа, благодаря божественному кинетизму она становится основой правильной, чистой и безупречной деятельности души, ума и тела.

Кроме того, интегральное совершенство требует от нас, чтобы не только весь сложный механизм инструментальной природы, но и каждая часть каждого инструмента были полностью очищены. В конечном счете, это очищение не может быть только нравственным и этическим. Этика имеет дело только с душой желаний и активной внешней динамической частью нашего существа; она ограничивается контролем характера и поступков. Она запрещает или сдерживает определенные действия, желания, побуждения, склонности; она культивирует определенные качества, такие как честность, доброжелательность, милосердие, сострадание, целомудрие. Когда ей удается осуществить эти изменения и заложить фундамент добродетели, наполнить ум чистыми помыслами и выработать привычку безупречного внешнего поведения, она считает свою задачу выполненной. Но сиддха интегрального совершенства должен подняться на более обширный план вечной чистоты Духа, находящийся за пределами добра и зла. Эта фраза, однако, не означает, что он будет с одинаковым безразличием творить добро и зло, утверждая, что для духа всё едино (как мог бы подумать слишком скорый на выводы интеллект), ибо, применительно к индивидуальным поступкам, это было бы явной ложью и могло бы послужить предлогом для бездумного потакания сла-

⁶ Квинтетизм (франц. *quiétisme*, от лат. *quietus* – спокойный, безмятежный, *quies* – покой) – религиозно-этическое учение, проповедующее мистически-созерцательное отношение к миру, пассивность, спокойствие души, полное подчинение божественной воле, безразличие к добру и злу, к раю и аду. БСЭ

бостям несовершенной человеческой природы. Это также не означает, что, поскольку добро и зло в этом мире связаны так же тесно, как боль и удовольствие (впрочем, как бы ни было данное утверждение верно сейчас и как бы в целом ни было похоже на правду, оно не обязательно является истинным с точки зрения более великой духовной эволюции человеческого существа), освобожденный человек будет жить в духе, полностью отстранившись от механически функционирующей и неизбежно несовершенной природы. Хотя это и может привести к прекращению всякой активности и помочь достичь абсолютного покоя и умиротворения, но, очевидно, это не может быть средством достижения активного совершенства. Это означает, что *сиддха* активного интегрального совершенства должен непосредственно участвовать в трудах трансцендентной силы божественного Духа, действующей, как универсальная воля, через сверхразум, представленный в нем в индивидуальной форме. Таким образом, его действия станут действиями вечного Знания, вечной Истины, вечной Силы, вечной Любви, вечной Ананады; но при этом, за какую бы работу он ни брался, она, независимо от своего характера, изначально будет выполняться в духе истины, знания, силы, любви и восторга; эти истина, знание, сила, любовь и восторг, изливаясь из духа, пребывающего внутри, будут определять его действия; сами же действия никак не будут влиять на дух или подчинять его работу жестким принципам или твердо установленным нормам. Что же касается образа действий, то все будет диктоваться бытием и волей духа (а не просто преобладающим складом характера), позволяющими ему с максимальной свободой и гибкостью находить наилучший вариант исполнения. Его жизнь станет потоком, текущим непосредственно из вечных источников, перестав быть формой, ограниченной рамками временной человеческой личности. Его совершенство станет не саттвической чистотой, так как он превзойдет гуны Природы, а апофеозом духовного знания, духовной силы, духовного восторга, единства и гармонии единства; внешнее совершенство его трудов будет свободным и спонтанным выражением этой внутренней духовной трансцендентности и универсальности. Чтобы это преобразование осуществилось, он должен осознать в себе ту силу духа и сверхразума, которая для нашего ума сейчас сверхсознательна. Но эта сила не сможет действовать в нем до тех пор, пока его нынешнее ментальное, витальное и физическое существо не избавится от своего обычного способа деятельности, свойственного низшей природе. Так что первым необходимым шагом является очищение.

Очищение, таким образом, не должно пониматься в узком смысле слова – как следование определенным правилам внешнего поведения, контролирование своих действий, исключение каких-то поступков или развитие и проявление определенных черт характера или особых ментальных и моральных качеств. Всё это второстепенные характеристики нашего внешнего существа, а не глубинные энергии и не изначальные силы. Нам необходимо составить более широкое психологическое представление об основных силах нашей природы. Мы должны выделить главные части нашего существа, выяснить, где находятся основные дефекты, порождающие нечистоту или неправильные поступки, и устранить их, пребывая в полной уверенности, что все остальное естественным образом придет в норму. Мы должны лечить не симптомы нечистоты (или придавать этой части работы лишь второстепенное значение, рассматривая ее как вспомогательное средство), а, проведя более глубокое исследование, обнаружить и удалить ее корни. Осуществляя такой подход, мы обнаружим, что существуют две формы нечистоты, два дефекта, лежащие в основе любого беспорядка и всех нарушений. Первый связан с характером нашей прошлой эволюции – эволюции невежественного существа, противопоставляющего себя миру; суть этого дефекта заключается в том, что действия, свойственные каждой части нашего инструментального существа, принимают совершенно ложную и невежественную форму. Другая разновидность нечистоты связана с последовательным процессом эволюции, в ходе которого жизнь проявляется в теле и зависит от него, ум проявляется в жизни, развившейся в теле, и зависит от них, сверхразум

проявляется в уме и подчиняется уму, вместо того чтобы руководить им, и сама душа предстает лишь сопутствующим обстоятельством телесной жизни ментального существа и скрывает дух покровом несовершенств земной природы. Этот второй дефект обусловлен зависимостью более высоких частей от более низких; происходит смешение функций, в процессе которого несовершенная деятельность более низких инструментов вмешивается в работу более высоких и вносит в нее нечистоту, которая затрудняет ее, искажает и отклоняет в ложную сторону.

Так, истинным предназначением жизни, витальной силы является наслаждение и обладание – и то и другое абсолютно законно, так как Дух создал мир для Ананды, наслаждения и обладания Единого множеством, множества Единым, а также множества множеством; но – и это пример нечистоты первого типа – невежественная обособленность придает наслаждению и обладанию искаженную форму жажды и вожделения и тем самым лишает их всей Ананды и крепко привязывает к своим противоположностям – неудовлетворенности и страданию. Что касается ума, то, поскольку он погружен в жизнь, из которой возник, эти вожделение и жажда вмешиваются в работу ментальной воли и знания, в результате чего ментальная воля вместо того, чтобы быть рациональной волей и силой пронизательного ума, становится волей вожделения и силой желания; это приводит к нарушению мышления и понимания, и мы, вместо того чтобы мыслить и рассуждать непредубежденно, беспристрастно, абсолютно трезво, взвешенно и честно, стремясь лишь к истине и правильному пониманию интересующего нас предмета, начинаем мыслить и рассуждать в соответствии с нашими желаниями и предпочтениями. Это один из примеров смешения. Эти две разновидности нечистоты – искаженная форма деятельности и неоправданное смешение различных видов деятельности – не ограничиваются этими характерными примерами; они свойственны всем инструментам и проявляются в любом сочетании их функций. Они пронизывают всю структуру нашей природы. Таковы фундаментальные дефекты нашей земной инструментальной природы, и если мы сможем их исправить, мы приведем наше инструментальное существо в состояние чистоты, будем наслаждаться безупречностью чистой воли, чистым сердцем, вмещающим только чистые эмоции, чистой радостью жизненных энергий, чистым телом. Это станет предварительным человеческим совершенством, но оно может служить основой для реализации нашего истинного «я» и привести к более великому божественному совершенству.

Тремя элементами нашей низшей человеческой природы являются ум, жизнь и тело. Но их нельзя рассматривать отдельно, поскольку жизнь действует как посредник и придает телу и в значительной степени уму свои собственные качества. Наше тело является живым телом; жизненная сила вмешивается во все его функции и обуславливает их. Наш ум тоже во многом является умом жизни, умом физических ощущений; и, только функционируя на более высоком уровне, он, как правило, способен на нечто большее, чем просто осуществление физической ментальной деятельности, подчиненной жизни. Мы можем представить собственную природу в виде иерархической системы. Во-первых, мы имеем тело, поддерживаемое физической силой жизни, физической *праной*, циркулирующей по всей нервной системе и участвующей в каждом телесном действии и осуществлении каждой телесной функции, благодаря чему вся деятельность тела становится деятельностью не инертного механизма, а живого организма. Прана и физическая оболочка образуют грубое тело, *стхула шарипа (sthūla śarīra)*. Это только внешний инструмент, нервная сила жизни, действующая в пределах тела с его грубыми физическими органами. Также существует внутренний инструмент, *антахкарана (anta#kara#a)*, ментальное сознание. Этот внутренний инструмент, согласно древней классификации, подразделяется на четыре элемента: *чумму (citta)* или базовое ментальное сознание, *манас (manas)*, чувственный ум, *буддху (buddhi)*, интеллект, и *аханкару (aha#kāra)*, идею эго. Эту классификацию можно взять

за основу, но для большего удобства ее необходимо сделать несколько более развернутой. *Антахарана* пропитана жизненной силой, которая становится здесь инструментом психического сознания жизни и психического воздействия на жизнь. Потоки этой психической праны насквозь пронизывают весь чувственный ум и все базовое сознание, формируя нервную или витальную и физическую ментальность. Ей подчинены даже *буддхи* и эго, хотя они и способны возвышать ум и освобождать его от подчиненности этой нервной, витальной и физической психологии. Это сочетание ума и праны создает в нас чувственную душу желаний, которая является главным препятствием на пути к более высокому человеческому, а также к еще более великому божественному совершенству. И, наконец, над нашим нынешним сознательным умом пребывает сверхразум, являющийся истинным средством достижения и исконным средоточием этого совершенства.

Читта, базовое сознание, в значительной степени подсознательно; оно может скрыто или явно действовать двояким образом – либо пассивно, просто воспринимая, либо активно, реагируя и создавая ментальные формации. Как пассивный инструмент, читта воспринимает все впечатления, даже те, которые ум не осознаёт или не замечает, и накапливает их в огромном хранилище пассивной подсознательной памяти, которыми ум, будучи активной памятью, может пользоваться. Однако обычно ум пользуется только тем, что изучил и понял – причем ему легче использовать то, что он изучил внимательно и хорошо понял, и труднее – то, что он изучил поверхностно и не совсем понял; в то же самое время в сознании есть сила, способная посылать в распоряжение ума то, что он вообще не наблюдал, чему не уделял внимания или даже то, что он сознательно не переживал. Эта сила проявляет свое действие только в паранормальных состояниях, когда какая-то часть подсознательной читты, так сказать, поднимается на поверхность или когда сублиминальное существо в нас выходит из-за кулис и какое-то время исполняет определенную роль на внешней ментальной сцене, где происходит непосредственное взаимодействие с внешним миром и приоткрываются наши внутренние взаимоотношения с самими собой. Эта деятельность памяти настолько фундаментальна по отношению ко всей ментальной активности, что иногда говорят, что человек – это память. Даже субментальная деятельность тела и жизни (наполненная впечатлениями этой подсознательной читты, которая не контролируется сознательным умом, имеет свою витальную и физическую память), витальные и физические привычки формируются в основном благодаря этой субментальной памяти. По этой причине они могут быть изменены в бесконечных пределах с помощью более мощного воздействия сознательного ума и воли, когда те разовьются и найдут способ передавать подсознательной читте волю духа, чтобы создать новый закон витальной и физической деятельности. Более того, все устройство нашей жизни и нашего тела может рассматриваться как комплекс привычек, сформированных прошлой эволюцией в Природе и удерживаемых вместе цепкой памятью этого скрытого сознания. Ибо читта, первичная субстанция сознания, подобно пране и телу, присутствует во всей Природе, но на уровне материальной природы остается подсознательной и механистичной.

Однако фактически любое действие ума или внутреннего инструмента проистекает из этой читты или базового сознания, которое по отношению к нашей активной ментальности частично сознательно, а частично подсознательно или сублиминально. Когда это сознание испытывает внешние воздействия или побуждается разумными силами субъективного внутреннего бытия, оно порождает определенные привычные формы активности, внешнее проявление которых определяется нашей эволюцией. Эмоциональный ум или, для удобства и краткости – сердце, является одной из таких форм активности. Наши эмоции – это волны, *чимтавриму* (*citta-vṛtti*), поднимающиеся из базового сознания в ответ на внешние воздействия. Их активность тоже в значительной степени определяется привычками и памятью о пережитом. Эта активность не императивна, не подчинена законам детерминизма; не

существует поистине непреодолимого закона нашего эмоционального бытия, которому мы должны беспрекословно подчиняться; когда ум подвергается определенным воздействиям, мы не обязаны отвечать печалью на одни, гневом на другие, ненавистью или антипатией – на третьи, симпатией или любовью – на четвертые. Все эти реакции не более чем привычки нашего эмоционального ума, которые могут быть изменены сознательной волей духа; мы можем научиться их сдерживать, мы даже можем полностью подняться над ними и стать независимы от горя, гнева, ненависти, симпатии и антипатии. Мы подвержены этим реакциям, пока продолжаем зависеть от механической деятельности читты на уровне эмоционального ума. Эту зависимость очень трудно преодолеть в силу прошлых привычек и особенно из-за упрямства витальной части ментального инструмента, нервного витального ума или психической праны. Характерной особенностью эмоционального ума является то, что он формируется реакциями читты, которые очень тесно связаны с нервными жизненными ощущениями и откликами психической праны. Поэтому его в некоторых системах зовут читта и прана, сердце, душа жизни; это, пожалуй, наиболее быстро возбуждающаяся и чрезвычайно устойчивая форма деятельности души желаний, созданная в нас взаимодействием витального желания и реагирующего сознания. И все же подлинная эмоциональная душа, подлинная психея в нас является не душой желания, а душой чистой любви и восторга; но она, как и все остальные части нашего истинного существа, может выйти вперед только тогда, когда искажение, порожденное жизнью желания, будет убрано с поверхности и перестанет быть главной чертой, характеризующей деятельность нашего существа. Устранение этих дефектов и выход вперед подлинной души является необходимым элементом нашего очищения, освобождения и совершенства.

Нервная деятельность психической праны наиболее ощутима на уровне нашей чисто чувственной ментальности. Эта нервная ментальность на самом деле сопровождает любое действие нашего внутреннего инструмента и, кажется, часто формирует большую часть того, что возникает помимо чувств. Эмоции особенно сильно осаждаются праной и несут на себе ее отпечаток; страх – скорее даже нервное ощущение, чем эмоция, гнев – в основном или часто нервная реакция, переведенная на язык эмоций. Другие чувства в большей степени принадлежат сердцу, более внутренни, но они очень тесно связаны с нервными и физическими желаниями или направленными вовне импульсами психической праны. Любовь является эмоцией сердца и может быть чистым чувством (все ментальные движения, поскольку мы представляем собой воплощенные умы, должны оказывать и даже мысль оказывает определенный витальный эффект и вызывает определенный отклик в субстанции тела, но это не значит, что этот эффект или реакция должны обязательно иметь физическую природу), однако любовь сердца с легкостью объединяется с витальным желанием тела. Этот физический элемент может быть освобожден от подчиненности физическому желанию и избавлен от того, что называют вожделением, он может стать любовью, использующей тело как для физической, так и для ментальной и духовной близости; но любовь также может отделиться от всего этого, даже от самого невинного физического элемента, или оставить лишь легкий намек на него и стать чистым единением души с душой, психеи с психеей. К тому же подлинная функция чувственного ума заключается в генерировании не эмоций, а сознательных нервных реакций, нервного ощущения и восприятия, импульсов, побуждающих тело и физические чувства к той или иной деятельности, в формировании осознанных витальных желаний и устремлений. С одной стороны, он обладает способностью к рецептивному восприятию, а с другой, к динамическому реагированию. Все эти элементы манаса используются естественным и надлежащим образом, когда более высокий ум не подчиняется им механически, а контролирует и регулирует их деятельность. Но есть и еще более высокое состояние, когда они претерпевают определенную трансформацию и подчиняются созна-

тельной воле духа, придающей деятельности психической праны истинную форму и лишаящей ее характерной примеси желания.

Манас, чувственный ум, на уровне нашего обычного сознания, для того чтобы познавать, использует физические органы чувств, а для того чтобы прямо или косвенно воздействовать на объекты чувств, – органы тела. Внешняя и поверхностная деятельность чувств по своему характеру является физической и нервной, поэтому можно легко прийти к выводу, что мы имеем дело просто с формами нервной деятельности; в древних книгах чувства иногда называли *пранами*, формами нервной или витальной активности. Но все же самое главное в них – не нервное возбуждение, а сознание (деятельность читты), использующее физические органы и нервные импульсы в качестве своих посредников. Манас, чувственный ум, создается активностью, берущей начало в базовом сознании и формирующей основу того, что мы называем чувством. На самом деле, зрение, слух, вкус, обоняние, осязание свойственны уму, а не телу; но физический ум, которым мы обычно пользуемся, ограничивается переводом на язык чувств тех внешних воздействий, которые он получает через нервную систему и физические органы восприятия. Однако внутренний манас также имеет свои собственные внутренние зрение, слух, осязание, которые не зависят от физических органов чувств. Более того, он может не только непосредственно взаимодействовать с объектом, – что позволяет воспринимать даже внутреннее состояние объекта, находящегося в зоне или вне зоны физической досягаемости, – но и с другим умом. Ум также способен изменять, преобразовывать импульсы, идущие от органов чувств, уменьшать их степень, амплитуду и интенсивность. Эти способности ума мы обычно не развиваем и не используем; они остаются скрытыми или иногда спорадически и бессистемно проявляются у одних людей с большей легкостью, у других с меньшей, или же это случается, когда человек находится в паранормальном состоянии. Они лежат в основе ясновидения, ясновыслушания, передачи мыслей и внушений на расстоянии, телепатии и большинства более распространенных разновидностей так называемых оккультных способностей – хотя лучше говорить о них не столь мистическим языком и называть способностями, присущими пока что скрытой деятельности манаса. Гипнотизм и многие другие паранормальные явления напрямую связаны с деятельностью этого сублимinalного чувственного ума; это не значит, что он является единственным фактором этих феноменов, но он является первым вспомогательным средством взаимодействия, контакта и реагирования, хотя в действительности основная часть деятельности осуществляется внутренним буддхи. Мы обладаем двойственной чувственной ментальностью – физическим умом и супрафизическим умом и можем пользоваться обоими.

Буддхи является конструкцией сознательного существа, в значительной степени превосходящей свои истоки в базовой читте; это интеллект с его способностью познавать и проявлять свою волю. Буддхи имеет дело со всей остальной деятельностью ума, жизни и тела. По своей природе, он является силой мысли и воли Духа, низшедшей сюда и принявшей земную форму ментальной активности. В структуре этого интеллекта можно выделить три последовательных уровня. Во-первых, есть понимание на уровне чувств. Это просто регистрация, запись, понимание и реакция на сигналы, посылаемые чувственным умом, памятью, сердцем и сенсорной ментальностью. С помощью этих средств буддхи создает примитивный мыслящий ум, который не выходит за рамки предоставляемых ими данных, подчиняется их шаблонам, озвучивает их повторения, бесконечно вращается в привычном круге внушаемых ими мыслей и намерений или с той же рабской покорностью, с какой рассудок подчиняется внушениям жизни, следует любым новым тенденциям, которые могут быть представлены на его рассмотрение и восприняты им. Кроме этого примитивного понимания, которым мы все чрезвычайно широко пользуемся, существует способность последовательно или целенаправленно мыслить и делать волевые усилия, свойственная рассудку, который для своей деятельности и постановки целей пытается создать внушающую дове-

рие, обоснованную устойчивую систему знаний и намерений, делающую применимыми на практике его интеллектуальные представления о жизни.

Несмотря на свой чисто интеллектуальный характер, этот второй или промежуточный рассудок чрезвычайно прагматичен в своих намерениях. Он создает своего рода интеллектуальную структуру, конструкцию, систему правил, в которую пытается заключить внутреннюю и внешнюю жизнь, чтобы использовать ее, подчинив более или менее совершенному контролю и управлению, для достижения какой-нибудь рациональной цели. Именно благодаря этому рассудку в нашем человеческом интеллектуальном бытии возникает свод этических и эстетических правил, система взглядов, твердо установленные рамки представлений и ограниченный круг жизненных целей. Он высоко развит и доминирует во всех людях, обладающих более или менее развитым умом. Но выше его есть другой рассудок, высший уровень буддхи, который занят бескорыстным поиском чистой истины и подлинного знания; он стремится отыскать изначальную Истину, пребывающую позади жизни, позади объектов и наших внешних «я», и подчинить свою волю закону Истины. Почти никто не умеет даже с минимальной степенью чистоты пользоваться этим высочайшим рассудком, однако, пытаясь делать это, мы реализуем самую высокую способность нашего внутреннего инструмента, *антахкараны (anta#kara#a)*.

На самом деле, буддхи – это посредник между умом Истины, который находится на недоступных для нашего активного сознания высотах и является непосредственным инструментом Духа, и физической жизнью человеческого ума, развившегося в теле. Волевые и сознательные способности буддхи берут начало в этом более великом и безупречном уме Истины, или сверхразуме. Буддхи сосредоточивает свою ментальную деятельность вокруг идеи эго, идеи, порождающей у человека представление: «Я являюсь этим умом, жизнью и телом» или: «Я являюсь ментальным существом, обусловленным деятельностью ума, жизни и тела». Он служит этой идее эго, либо ограниченной тем, что мы зовем эгоизмом, либо расширенной, благодаря сопричастности окружающей жизни. Возникает чувство эго, в основе которого лежит обособленная деятельность тела, индивидуализированной жизни и реагирующего ума. Идея эго в буддхи становится центром, вокруг которого сосредоточивается вся деятельность этой эгоистической мыслящей личности. Стремясь к получению опыта и расширению, она в качестве своих инструментов использует примитивное понимание и промежуточный рассудок. Когда же развиваются высшие рассудок и воля, нам удастся посмотреть на внешнюю реальность глазами более высокого духовного сознания. Тогда мы можем увидеть, что наше «я» является ментальным отражением высшего «Я», Духа, Божественного, единого существования трансцендентного, универсального, индивидуального в своем многообразии; после этого сознание, в котором все эти ипостаси сходятся, становятся аспектами одного бытия и устанавливают истинные взаимоотношения друг с другом, может быть освобождено от всех этих физических и ментальных наслоений. Когда происходит переход к сверхразуму, способности буддхи не утрачиваются, а подвергаются возвышающему супраментальному преобразению. Однако о сверхразуме и преобразении буддхи мы поговорим, рассматривая проблему обретения высших сиддх или божественного совершенства. А пока что нам нужно обратиться к очищению природного существа человека, готовящему его к любому преобразению такого рода и ведущему к освобождению от оков низшей природы.

Глава VI. Очищение низших уровней Ума

Мы должны постичь сложную работу всех этих инструментов и приступить к их очищению. И самым простым будет сосредоточиться на двух основных видах дефектов, порождающих в каждом из них нечистоту, ясно понять, в чем они заключается, и устранить их. Однако возникает вопрос, с чего начать. Поскольку запутанность велика, полное очищение одного инструмента зависит от полного очищения всех остальных, и это становится источником многочисленных трудностей, разочарований и замешательств. Так, полагая, что интеллект очищен, мы вдруг обнаруживаем, что он по-прежнему подвержен атакам и помрачению, поскольку эмоции сердца, воля и чувственный ум по-прежнему искажаются многочисленными загрязнениями низшей природы, которым удается возвращаться в просветленный буддхи, не позволяя ему отражать чистую истину, которую мы ищем. Но, с другой стороны, у нас есть одно преимущество, которое заключается в том, что если достаточно очищен один важный инструмент, то он может быть использован для очищения других, – один уверенно сделанный шаг облегчает все последующие и позволяет избавиться от множества трудностей. Тогда возникает следующий вопрос: за счет очищения и совершенствования какого инструмента можно с наибольшей легкостью и эффективностью добиться совершенствования всех остальных или максимально ускорить этот процесс?

Поскольку человек является духом, одетым в оболочку ума, душой, развившейся здесь, на земле, как ментальное существо в живом физическом теле, то именно в уме, *антахкаране* (*anta#kara#a*), и должен находиться искомый инструмент. И очевидно, что на уровне ума человеческое существо именно с помощью буддхи – интеллекта и интеллектуальной воли – должно осуществлять всю ту работу, которая не делается для него физической или витальной природой, как это происходит в растении и животном. До того, как проявится более высокая супраментальная сила, мы должны в качестве главного инструмента использовать волю интеллекта, поэтому ее очищение становится для нас жизненно важным и необходимым. Как только наш интеллект и воля достаточно хорошо очищены от всего, что их ограничивает, вносит в них ложные движения или отклоняет их в ложную сторону, они легко могут быть развиты и достичь совершенства, стать восприимчивыми к посланиям Истины, постичь самих себя и все остальные части существа, ясно, не упуская мельчайших деталей, видеть, что они делают, и следить за тем, чтобы они все делали правильно, спокойно, без излишней спешки или промедления, без ошибок и отклонений. В конце концов, все эти части станут достаточно отзывчивыми и смогут воспринимать точные указания, интуитивные знания, наития, откровения сверхума и действовать все более и более просветленно и даже безошибочно. Но подобное очищение невозможно осуществить без предварительного устранения всех естественных препятствий в низших частях *антахкараны*, и основным препятствием такого рода, затрагивающим функционирование всей *антахкараны* – чувства, ментальное восприятие, эмоции, побуждения к действиям, интеллект и волю, – является вмешательство и настойчивые требования психической праны. Следовательно, именно этим в первую очередь и следует заняться. Постоянные вмешательства праны должны быть устранены, ее требования отвергнуты, а сама она успокоена и подготовлена к очищению.

Как уже было сказано, у каждого инструмента есть своя собственная законная функция, а также искажение или ложный принцип осуществления этой функции. Законная функция психической праны – чистое обладание и наслаждение, *бхога* (*bhoga*). Эта прана дает нам психофизический базис для того, чтобы наслаждаться мышлением, волей, действием, творческим порывом, результатом действий, эмоциями, чувствами, ощущениями, а также, посредством них, многообразием объектов, людьми, жизнью и миром. Истинное наслаждение существованием может прийти только тогда, когда мы наслаждаемся не миром как тако-

вым и не его содержимым, а Богом в мире, когда не вещи, а Ананда духа в вещах становится подлинным и главным объектом нашего наслаждения, а вещи превращаются просто в формы и символы духа, волны океана Ананды. Но чтобы хотя бы в малейшей степени почувствовать эту Ананду, нам нужно достичь и отразить в своей природе скрытое духовное бытие, а чтобы обрести ее в полной мере, – подняться на супраментальные уровни. А пока этого не сделано, остается оправданное, допустимое и вполне законное человеческое наслаждение миром и его объектами, которое, если использовать понятия индийской психологии, по своей природе должно быть преимущественно саттвичным. Это некое просветленное наслаждение, проводником которого в первую очередь является пронизательный, эстетически развитый и тонко чувствующий ум, и только во вторую – чувственно-нервная и физическая природа, полностью подчиненная управлению чистого буддхи, здравому рассудку, правильным намерениям, правильному восприятию влияний жизни, истинному порядку, подлинному ощущению истины, законности, идеального смысла, красоты, полезности вещей. Ум становится способен воспринимать чистый вкус наслаждения ими, *расу (rasa)*, а всё беспокоящее, возбуждающее или извращенное отвергать. Это восприятие ясной и чистой *расы* психическая прана должна дополнить ощущением полнокровной жизни и радостью, охватывающей все существо, *бхогой*, без которых это восприятие и ментальное обладание расой, *раса-грахана (rasa-grahaḥa)*, будут недостаточно конкретными, слишком эфемерными и не смогут в полной мере удовлетворить воплощенную душу. Привнося это чувство жизни и радость, прана осуществляет присущую ей функцию.

Искажение, которое проникает в сознание и препятствует чистоте, принимает форму витальной жажды; самым большим искажающим фактором, который психическая прана привносит в наше существо, является желание. Желание коренится в страстном витальном стремлении завладеть тем, чем, как нам кажется, мы не обладаем, – это инстинкт ограниченной жизни, нацеленный, в силу ее ограниченности, на обладание и удовлетворение. Он ответственен за возникновение потребности или нужды в чем-то: сначала примитивных витальных чувств голода, жажды, полового влечения, затем психологических чувств голода, жажды, неудовлетворенности, страстного желания, принадлежащих уму, которые заставляют нас страдать намного сильнее, дольше и охватывают все наше существо. Этот голод вечен, так как является голодом некоего бесконечного существа, а эта жажда лишь ненадолго утоляется получением желаемого, но сама по себе она неутолима. Психическая прана вторгается в чувственный ум и привносит в него волнуемую жажду ощущений, вторгается в динамический ум и наделяет его страстным желанием власти, обладания, доминирования, успеха, удовлетворения каждого импульса, наполняет эмоциональный ум желанием получить приятное и избежать неприятного, дать волю любви и ненависти, порождает чувство неуверенности и панические приступы страха, заставляет переживать муки скорби и краткие периоды возбуждения и радости, делает интеллект и его волю сообщниками всех этих желаний и побуждений и превращает их в испорченные и по-своему ущербные инструменты, в результате чего воля становится намерением получить желаемое, а интеллект – пристрастным, невежественным и нетерпимым приверженцем ограниченных, поспешных и фанатичных взглядов и предубеждений. Желание – это причина любого горя, любых страданий и разочарований, ибо, даже сопровождаясь пьянящей радостью преследования и удовлетворения, оно вносит в процесс погони и обретения напряженные усилия (так как всегда вынуждает существо напрягаться), жажду, борьбу, подверженность быстрой усталости, чувство ограниченности, неудовлетворенности и быстрого разочарования всем достигнутым, порождает непрерывное болезненное возбуждение, волнение, тревогу, беспокойство, *ашанти (aśānti)*. Избавление от желания это единственно надежный способ и необходимое условие для очищения праны – ибо таким образом мы сможем заменить душу желания, постоянно вторгающуюся во все наши инструменты, ментальной душой спокойного вос-

торга с ее ясным и чистым взглядом и способностью безупречно владеть нами, миром и Природой, что является кристально чистой и прозрачной основой ментальной жизни и ее совершенства.

Психическая прана вмешивается во все операции более высокого порядка и искажает их, что же касается ее собственных дефектов, то они возникают из-за вмешательства и искажения ее работы характером функционирования физического тела, сформированного Жизнью при ее появлении из Материи. Именно это порождает отделение индивидуальной жизни в теле от жизни вселенной и наделяет ее ощущением неполноты, ограниченностью, голодом, вожделением, желанием получить недостающее, превращая ее в непрерывную погоню за наслаждениями, неутолимую жажду обладания. Эти телесные нужды, легко поддающиеся контролю и ограничениям на чисто физическом уровне, оказывают большое влияние на психическую прану и, по мере формирования ума, становятся желаниями, которые трудно ограничить, насытить, подчинить контролю и которые превращаются в постоянный источник беспорядка и нездоровья. Кроме того, психическая прана зависит от физической жизни, ограничивается нервной силой физического существа, а значит, ограничивает деятельность ума и, в числе прочих факторов, делает его зависимым от тела и от его подверженности усталости, неспособности, болезням, нарушениям, ограниченности, ненадежности, временным расстройствам и даже необратимым изменениям функций мозга. Наш ум, вместо того чтобы быть могущественной и независимой силой, чистым инструментом сознательного духа, свободным и способным контролировать, использовать и совершенствовать жизнь и тело, предстает в конечном счете в виде смешанного устройства; по преимуществу он представляет собой физическую ментальность, ограниченную своими физическими органами чувств и подчиненную требованиям и ограничениям жизни в теле. Избавиться от этого рабства можно только путем своеобразного практического внутреннего психоанализа, благодаря которому мы начинаем осознавать ум как отдельную самостоятельную силу, изолируем ее для свободного функционирования, а также отделяем психическую прану от физической и превращаем их из факторов зависимости в средство передачи или проводник Идей и Воли буддхи, послушный его указаниям и руководству; тогда прана становится пассивным инструментом, с помощью которого ум непосредственно контролирует физическую жизнь. Как бы ни был этот контроль необычен для нашего привычного способа действия, он не только возможен (стоит заметить, что в определенной степени он проявляется во время гипнотических сеансов, хотя подобные состояния по-своему нездоровы и неестественны, так как все внушения и указания исходят от гипнотизера), но, более того, должен стать нормальным явлением, когда более великое «Я» внутри возьмет в свои руки управление всем существом. Впрочем, в совершенстве этот контроль можно осуществлять только с супраментального уровня, ибо именно там пребывают Идея и Воля, обладающие поистине эффективной действующей силой, а мыслящий ментальный ум, даже будучи одухотворенным, является лишь ограниченным посредником, который, однако, может быть наделен огромными полномочиями.

Считается, что желание является подлинной движущей силой человеческого существования, и если его отбросить, то это лишит жизнь ее побудительных мотивов; если исходить из этой точки зрения, то удовлетворение желания – единственная человеческая радость и без нее жизнь утратит весь свой динамизм, погребенная под плитой квиетического аскетизма. Однако подлинной движущей силой жизни души является Стремление; желание – это только искаженная форма стремления на уровне преимущественно телесной жизни и физического ума. Душа изначально склонна к обладанию и наслаждению миром, что выражается в стремлении к восторгу; наслаждение же, вызванное удовлетворением желания, является лишь витальной и физической деградацией этого стремления. Важно провести четкую границу между чистым стремлением и желанием, между внутренним стремлением к

восторгу и внешним вожделием и ненасытностью ума и тела. Если мы не способны провести это различие в своей практической жизни и деятельности, нам придется выбирать между убивающим жизнь аскетизмом и грубой жаждой жить, или же мы можем попытаться установить между первым и вторым сомнительный, ненадежный и шаткий компромисс. Именно так и поступает основная масса людей; отдельные индивиды подавляют витальные инстинкты и пытаются достичь аскетического совершенства; большинство же подчиняется грубому желанию жить, принимая те поправки и ограничения, которые общество налагает на своих членов или же нормальный социальный человек после соответствующего обучения навязывает своему уму и поведению; есть те, которые балансируют между этической аскезой и умеренным потворством желаним ментального и витального эго и полагают, что нашли ту золотую середину, которая удовлетворяет рациональный ум и обеспечивает здоровое человеческое существование. Но ни один из этих путей не ведет к тому совершенству, к которому мы стремимся, – к божественному управлению волей, присущей жизни. Полностью подавить прану, витальное существо, значит убить силу жизни, которая должна поддерживать обширную деятельность души, воплощенной в человеческом существе; потакать грубому желанию жить значит продолжать оставаться удовлетворенным несовершенством; устанавливать компромисс между аскезой и потаканием значит останавливаться на полпути и не владеть ни землей, ни небом. Но если мы сможем овладеть чистой волей, не искаженной желанием – которая, как мы обнаружим, является намного более свободной, спокойной, непоколебимой и действенной силой по сравнению с колеблющимся, чающимся, быстро гаснущим и неустойчивым пламенем желания, – и обрести восторженное внутреннее стремление, не затрагиваемое и не ограниченное никаким вожделием, мы сможем трансформировать прану и превратить ее из тирана, врага, захватчика ума в его послушный инструмент. Мы можем, конечно, называть эту более высокую волю также желанием, но тогда мы должны предположить, что существует божественное желание, отличное от витальной жажды, – желание Бога, по отношению к которому этот более приземленный феномен является бледной тенью и в которое он, в конце концов, должен быть превращен. Явления, которые по своему характеру и внутреннему действию принципиально отличаются друг от друга, лучше называть по-разному.

Таким образом, чтобы осуществить первый этап очищения, мы должны избавиться от праны желания и сменить обычную позицию нашей природы на противоположную, то есть превратить витальное существо из доминирующей беспокойной силы в послушный инструмент свободного и бесстрастного ума. Устраняя эту деформацию психической праны, мы облегчаем очищение остальных промежуточных частей *антахкараны*, а когда психическая прана полностью исправлена, их очищение тоже может быть легко завершено. К этим промежуточным частям относятся эмоциональный ум, воспринимающий чувственный ум и реагирующий чувственный ум или ум динамического импульса. В своей работе все они очень тесно связаны друг с другом. Искажение эмоционального ума обусловлено симпатией и антипатией, *рага-двешей* (*rāga-dveṣā*), эмоциональным влечением и отвращением. Все сложное переплетение наших эмоций и их деспотическая власть над душой возникают из-за привычных реакций души желания, выражающихся в эмоциях и ощущениях, на то, что вызывает влечение или внушает отвращение. Именно это порождает любовь и ненависть, надежду и страх, горе и радость. Мы любим, одобряем, приветствуем, надеемся, радуемся всему, что наша натура, первая привычка нашего существа, или же сформированная (часто порочная) привычка или вторая натура нашего существа представляет уму как приятное, *прийям* (*prīyam*); мы ненавидим, не любим, боимся, не выносим или печалимся от того, что она представляет нам как неприятное, *априйям* (*apriyam*). Эта привычка эмоциональной природы влияет на работу ума и часто делает его беспомощным рабом эмоционального существа или, по крайней мере, не дает ему осуществлять свободное управление природой

и объективно оценивать ее состояние. Этот дефект нужно исправить. Избавляясь от желания в психической пране и ее вторжений в эмоциональный ум, мы облегчаем выполнение этой задачи. Ибо тогда узы влечения, крепко-накрепко связывающие сердце, спадают с сердечных струн; спонтанная привычка к *рага-двеше* остается, но, благодаря отсутствию привязанностей, она становится менее упорной, и с ней уже можно легче справиться с помощью интеллекта и воли. Так, беспокойное сердце может быть подчинено и избавлено от привычного влечения и отвращения.

Но если это сделано, может возникнуть вопрос (как и в случае с желанием) – а не приведет ли это к смерти эмоционального существа? Да, приведет, если неправильная деятельность эмоционального ума будет устранена, но не замещена правильной; в этом случае ум впадет либо в нейтральное состояние, характеризующееся абсолютным безразличием, либо в состояние ясности, характеризующееся невозмутимостью, бесстрашием и отсутствием каких-либо эмоциональных движений или порывов. Первое состояние совсем нежелательно; второе – может считаться совершенством в рамках какой-нибудь квиетической дисциплины, однако в системе интегрального совершенства, где любовь не отвергается и не исключаются разнообразные чувства радости и восторга, оно может быть лишь стадией, через которую нужно пройти, предварительным состоянием пассивности, которое принимается в качестве первоначальной основы истинной активности. Влечение и отвращение, симпатия и антипатия необходимы обычному человеку, так как благодаря им у него вырабатывается первый инстинктивный и естественный принцип отбора из тысяч приятных и пугающих, дружественных и опасных воздействий, оказываемых на него окружающим миром. Буддхи начинает работать с этим материалом и пытается вносить свои поправки, делая акт инстинктивного и естественного выбора более разумным, осозанным и целенаправленным; ибо для него очевидно, что приятное не всегда является правильным, то есть тем, что нужно предпочитать и выбирать, а неприятное – неправильным, то есть тем, что нужно отвергать или избегать; необходимо уметь различать приятное, *прейяс (preyas)*, и полезное, *шрейяс (śreyas)*, и руководствоваться в своем выборе не изменчивыми эмоциями, а трезвым рассудком. Но рассудку намного легче сделать правильный выбор, если все эмоциональные влияния исключены и сердце пребывает в состоянии спокойной и светлой пассивности. Тогда также может проявиться правильная деятельность сердца; ибо в этом случае мы обнаруживаем, что за этой мятущейся душой желаний все время, ожидая своего часа, пребывала душа любви и ясной радости и восторга – подлинная психея, которая была скрыта искажающими покровами гнева, страха, ненависти, отвращения и не могла объять мир с чистой радостью и любовью. Очищенное сердце свободно от гнева, страха, ненависти, любого отвращения и неприятия: ему свойственна вселенская любовь, оно способно с неомрачаемой сладостью и чистотой принять и пережить разнообразные виды радости и восторга, даруемые ему Богом в мире. Но оно более не беспомощный раб любви и восторга; оно не имеет желаний, не пытается определять и направлять действия. Выбор, без которого действие невозможно, представляется преимущественно буддхи, а когда буддхи превзойден, – духу, поддерживающему супраментальную волю, знание и Ананду.

Воспринимающий сенсорный ум является нервной ментальной основой чувств и эмоций; он ментально воспринимает внешние воздействия и ментально отвечает на них чувством боли или наслаждения, закладывая тем самым основу симпатии-антипатии, свойственной эмоциональному уму. У любой сердечной эмоции имеется соответствующее нервно-ментальное сопровождение, и мы часто обнаруживаем, что, когда сердце уже не склонно к проявлению симпатии-антипатии, семя беспокойства все еще сохраняется в нервном уме или же в физическом уме остается некое воспоминание, которое, по мере его отвержения волей в буддхи, все более и более приобретает чисто физический характер. В конце концов, это становится просто приходящим извне внушением, на которое нервные

струны ума все еще невольно откликаются. Так продолжается до тех пор, пока абсолютная чистота не наделяет их той же светлой универсальностью, какой очищенное сердце уже обладает. Активный или динамический ум импульсов является низшим органом или каналом передачи ответного действия; его работа искажается из-за того, что он начинает подчиняться внушениям нечистой эмоциональной и чувственной ментальности, а также желаниям праны, побуждениям к действиям, продиктованным печалью, страхом, ненавистью, желанием, вождением, жадностью и всеми остальными членами этого беспокойного семейства. В идеале он представляет собой чистую динамическую силу, исполненную мощной энергии, смелости, твердости и непоколебимости, которая действует не для себя и не подчиняясь низшим частям, а как бесстрастная посредница, внимающая указаниям чистого рассудка и воли или же супраментального Пуруши. Когда мы избавляемся от этих искажений и очищаем ментальность для проявления в ней этих более истинных форм деятельности, низшая ментальность тоже очищается и становится готова к совершенству. Но этого совершенства нам не обрести, если мы не обладаем очищенным и просветленным буддхи; ибо в ментальном существе буддхи является главной силой и главным ментальным орудием Пуруши.

Глава VII. Очищение интеллекта и воли

И прежде всего мы должны провести четкое различие, которое обычно упускается из виду, между *манасом* – умом и *буддхи* – различающим интеллектом и просветленной волей. Манас – это чувственный ум. Начальная человеческая ментальность очень далека от того, что называют «волей» и «рассудком»; это животная, физическая или чувственная ментальность, весь опыт которой складывается из впечатлений, получаемых ею из внешнего мира и от своего собственного воплощенного сознания, реагирующего на внешние стимулы и раздражители. Буддхи играет лишь вспомогательную роль и, даже становясь руководящим принципом эволюции, все еще остается зависимым от используемых им инструментов более низкого порядка; он в своем функционировании зависит от чувственного ума и делает, что может, на своем более высоком уровне, расширяя, не без труда, сложностей и ошибок, сферу своих познаний и своей деятельности за счет интерпретации физических или чувственных данных. Таким образом, обычным типом человеческого ума является частично озаренная физическая или чувственная ментальность.

На самом деле, манас является производным внешней чистоты; это первая структурированная форма исходной грубой субстанции сознания, возбуждаемой и будоражимой внешними воздействиями, *бахья-спарша* (*bāhya-sparśa*). Физически мы представляем собой дремлющую в материи душу, которая [душа] превратила ее [материю] в частично пробужденное живое тело, пронизанное грубой субстанцией внешнего сознания. Это тело более или менее отзывчиво и восприимчиво к воздействиям внешнего мира, в котором формируется наше сознательное бытие. В животном эта субстанция внешне ориентированного сознания организуется в хорошо налаженный инструмент ментальных чувств и ощущений или орган воспринимающего и действующего ума. На самом деле, чувство является ментальным контактом этого воплощенного сознания с тем, что его окружает. Этот контакт, по сути, всегда представляет собой ментальное явление; но в действительности ум в значительной степени зависит от развития определенных физических органов, обеспечивающих контакт с объектами и с их свойствами, которым он привык давать ментальную оценку, основываясь на внешних впечатлениях. То, что мы называем физическим ощущением, включает в себя два элемента – нервно-физическое впечатление от объекта и нашу нервно-ментальную оценку этого впечатления. Эти два элемента вместе образуют наше видение, слышание, обоняние, вкус, осязание, которые (особенно осязание) дают начало или служат первичными посредниками всего разнообразия ощущений. Однако манас способен воспринимать чувственные впечатления и делать на их основе выводы путем непосредственного взаимодействия, независимого от физических органов чувств. Эта способность более отчетливо проявляется в более примитивных формах жизни. Хотя в реальности человек способен более широко использовать это непосредственное чувство, шестое чувство ума, он оставил его без применения, полагаясь исключительно на физические органы чувств, поддерживаемые активностью буддхи.

Таким образом, манас в первую очередь является координатором чувственного восприятия; кроме того, он координирует естественные реакции воли в воплощенном сознании и использует тело в качестве инструмента, то есть использует то, что обычно называют органами действия. Эта природная деятельность тоже состоит из двух элементов – нервно-физического побуждения и поддерживающей его ментально-нервной энергии инстинктивно-волевого импульса. Так формируется связь первичного восприятия и динамического реагирования, широко распространенная во всей развивающейся животной жизни. Но, помимо этого, в манасе или чувственном уме имеется зачаточное мышление, сопровождающее процессы животной жизни. Аналогично тому, как живое тело обладает своеобраз-

ным действующим сознанием, которое выражается в способности пронизывать и овладевать и которое служит для формирования чувственного ума, так и чувственный ум содержит в себе определенную способность пронизывать и овладевать, которая позволяет ему ментально интерпретировать данные органов чувств, превращать их в понятия и первичные идеи, ассоциировать одно переживание с другим и тем или иным способом, опираясь на восприятия чувств, думать, чувствовать и порождать намерения или желать.

Этот чувственный рассудок, опирающийся на ощущения, воспоминания, ассоциации, первичные идеи и сделанные на основании этого выводы, или вторичные идеи, характерен для всей развитой животной жизни и ментальности. Конечно, в человеке он достиг такого высокого уровня развития, такой широты и сложности, которые невозможны для животного, но все-таки, если человек остановится на этом, то будет лишь более высокоэффективным животным. Человек превосходит животное потому, что ему дана возможность в большей или меньшей степени освобождать и отделять свое мышление от чувственной ментальности, отстраняться от нее, изучать ее данные и воздействовать на нее свыше с помощью отделенного и частично свободного интеллекта. Интеллект и воля животного погружены в чувственный ум и поэтому полностью подчинены ему, вовлекаясь в поток его ощущений, чувственных восприятий и импульсов; ум животного инстинктивен. Человек способен использовать рассудок и волю, некий мыслящий и сознательно намеревающийся ум, наблюдающий за собой и за всем происходящим вокруг, который уже не погружен в чувственный ум, а может действовать с определенной свободой и независимостью, находясь выше или позади него. Человек обладает способностью думать и некой относительной свободой сознательной воли. Он освободил в себе буддхи и сделал его независимой силой.

Но что такое этот буддхи? Опираясь на йогическое знание, мы можем сказать, что это тот инструмент души (внутреннего сознательного существа в природе, Пуруши), с помощью которого она начинает сознательно и последовательно постигать и контролировать как себя, так и свое окружение. За всеми действиями читты и манаса стоит эта душа, этот Пуруша; но в низших формах жизни она преимущественно бессознательна – спит или наполовину пробуждена – и погружена в механическую деятельность Природы; но по мере развития и усложнения форм жизни она все более и более пробуждается, все более и более выходит вперед. Благодаря активности буддхи начинается процесс полного пробуждения. На низших уровнях ума душа, скорее, претерпевает воздействия Природы, нежели владеет ею; ибо там она полностью подчинена механизму, который дал ей возможность ощутить себя сознательным воплощенным существом. На уровне же буддхи мы становимся обладателями нового, хотя все еще природного инструмента, который Природа, кажется, предоставляет Пуруше для того, чтобы (как это ни парадоксально) тот смог познать, овладеть и подчинить ее.

Но ни познания, ни обладания, ни господства нам не удастся достичь в полной мере, если сам буддхи в нас все еще не полностью развит, недостаточно сформирован или если он по самой своей природе является лишь промежуточным инструментом, и для того, чтобы обрести абсолютное знание и господство, нам необходимо подняться к чему-то еще более высокому. Ибо, развиваясь подобным образом, мы начинаем осознавать, что внутри нас пребывает сила, превосходящая животную жизнь, истина, превосходящая первичные истины или внешнюю сторону вещей, воспринимаемые чувственным умом, что мы можем попытаться достичь этой истины и обрести более великую и более эффективную способность действия и управления, более реальную власть над своей собственной природой и над природой окружающих нас вещей, более высокое знание, более великое могущество, более высокое и великое наслаждение, более возвышенное состояние бытия. Что же тогда является конечной целью этого развития? Очевидно, что для Пуруши это должно означать постижение высочайшей и всеобъемлющей истины самого себя и всего сущего (величайшей истины души или «я» и величайшей истины Природы) и достижение такого динамического и ста-

тического состояния бытия, которое станет воплощением и выражением той Истины (силы этого величайшего знания) и блаженства того величайшего бытия и сознания, которым он открывается. Таким должен стать окончательный результат эволюции сознательного существа в Природе.

Таким образом, целью очищения, освобождения и совершенствования буддхи является достижение всей полноты истины нашего «я» и Духа, а также знания, величия, блаженства нашего свободного и целостного существа. Но обычно считается, что это предполагает отвержение Природы, а не полную власть Пуруши над ней. Согласно этой точке зрения, нам нужно достичь истинного «я», отказавшись иметь что-либо общее с деятельностью Природы. Как буддхи, понимая, что данные чувственного ума поверхностны и что, опираясь на них, душа остается в подчинении у Природы, обнаруживает более подлинны истины, скрывающиеся за ними, так и душа должна осознать, что буддхи тоже, когда он обращен к Природе, может дать нам знание только внешних объектов и явлений и лишь уменьшить эту подчиненность, – и, осознав это, душа должна обнаружить за ними чистую истину «Я». Это «Я» представляет собой нечто совершенно отличное от Природы, и буддхи должен избавиться от влечения к природным объектам и заинтересованности ими; только так он сможет распознать и отделить от них чистое «Я» или Дух: знание чистого «Я» или Духа является единственным подлинным знанием, Ананда чистого «Я» или Духа является единственным духовным наслаждением, сознание и бытие чистого «Я» или Духа являются единственными подлинными сознанием и бытием. Нужно оставить все действия и намерения, так как вся деятельность принадлежит Природе; намерение стать чистым «Я» и Духом предполагает отказ от любых побуждений к действию.

Но хотя обладание бытием, сознанием, блаженством, силой «Я» и является условием совершенства – ибо, только познав, овладев и живя в своей собственной истинной сути, душа может стать свободной и совершенной, – мы считаем Природу вечной деятельностью и проявлением Духа; Природа – это не дьявольская западня, не просто обманчивая видимость многообразных объектов и феноменов материального мира, созданная желанием, чувством, жизнью, ментальной волей и рассудком; напротив, все эти феномены являются внешними указателями, знаками, и за всеми ними присутствует истина Духа, превосходящая и использующая их. Мы считаем, что должны существовать подлинны духовные гнозис и воля, с помощью которых тайный Дух во всем познаёт свою собственную истину, изъясняет свою волю, проявляется и управляет своим собственным бытием в Природе; достижение этого могущества, установление контакта с ним или участие в его работе должно стать частью нашего совершенства. Таким образом целью очищения буддхи становится не только постижение истины нашего собственного самосущего бытия, но также и постижение высочайшей истины нашего бытия в Природе. Для этого мы должны в первую очередь очистить буддхи от всего, что делает его подчиненным чувственному уму, а после этого избавиться от его собственных ограничений и преобразовать его приземленное ментальное сознание и волю в более великую деятельность духовной воли и знания.

Стремление буддхи преодолеть ограничения чувственного ума уже отчасти реализовалось в ходе человеческой эволюции; это составляет часть обычного процесса деятельности Природы в человеке. Изначально деятельность мыслящего ума, интеллекта и воли в человеке является обусловленной и зависимой. Она обусловлена восприятием и данными органов чувств, подчиняется власти витального вождения, инстинктам, желаниям, эмоциям, импульсам динамического чувственного ума и лишь пытается придать им большую целенаправленность и эффективность. Однако человек, который руководствуется этим приземленным умом и чей рассудок и воля подчинены ему, обладает низшим типом человеческой природы, и та часть нашего сознательного существа, которая соглашается на это подчинение, является самой низкой в нашем человеческом состоянии бытия. Более высокое пред-

назначение буддхи заключается в том, чтобы превзойти и подчинить своему контролю чувственный ум – не избавиться от него, а, начав с него, поднять всю ментальную деятельность на уровень более высокой воли и сознания. Тогда впечатления чувственного ума начнут использоваться мыслью, которая превосходит их и постигает истины, которые эти впечатления не предоставляют: истины абстрактного мышления, философские и научные истины; мыслящий, исследующий, философский ум преодолевает, очищает первые впечатления чувственного ума и возвышается над ними. Импульсивная, реагирующая, чувственная ментальность, витальные влечения и страсти и ум эмоционального желания приводятся в подчинение сознательной волей и преодолеваются, очищаются и возвышаются более великим этическим умом, который обнаруживает и утверждает в них закон правильных побуждений, правильных желаний, правильных эмоций и правильных действий. Воспринимающая ментальность, находящая удовольствие в грубых чувственных наслаждениях, эмоциональный ум и ум жизни приводятся в подчинение интеллектом и преодолеваются, очищаются и возвышаются более глубоким и более счастливым эстетическим умом, который обнаруживает и утверждает в них закон подлинного восторга и красоты. Все эти новые ментальные формации используются главной Силой интеллектуального, мыслящего и обладающего волей человека, живущего в душе, в которой главенствует интеллект, воображение, рассудительность, память, намерение, пронизательный рассудок, идеальное чувство и которая использует их для познания, саморазвития, получения опыта, исследования, творения, реализации своих замыслов, которая стремится, прилагает усилия, возвышается внутренне и пытается трансформировать жизнь души в Природе в нечто более высокое. Примитивная душа желаний более не управляет существом. Она по-прежнему остается душой желаний, но она обуздана и поставлена под управление более высокой силы – тем, что проявило в себе божеств Истины, Воли, Блага, Красоты и пытается подчинить им жизнь. Грубые душа желания и ум пытаются превратить себя в идеальные душу и ум, и чем больше нам удастся воспринимать воздействие и утверждать гармонию этого более великого сознательного бытия в нас, тем более мы становимся людьми.

Но до полного завершения этого процесса еще очень далеко. Мы обнаруживаем, что он ведет нас к обретению все более и более совершенного состояния бытия по мере достижения нами двух видов совершенства – все большей отстраненности и независимости от внушений низшей природы и всевозрастающего раскрытия самосущего Бытия, Света, Силы и Ананды, благодаря чему удается все выше подниматься над обычной человеческой природой и преобразовывать ее. Чем больше этический ум отделяется от желаний, чувственных внушений, импульсов, действий, диктуемых привычками, и обнаруживает сущность Правды, Любви, Силы и Чистоты, в которой он обретает полноту и которую делает основой всех своих действий, тем более совершенным он становится. Эстетический ум обретает совершенство по мере того, как ему удается отделиться от своих более примитивных наслаждений и внешних традиционных канонов эстетической мысли и обнаружить самосущее «я» или дух чистой и бесконечной Красоты и Восторга, наполняющий своим собственным светом и радостью объекты эстетического наслаждения. Ум знания становится совершенным, когда освобождается от влияния впечатлений, догм, мнений и обнаруживает свет самопознания и интуиции, озаряющий всю деятельность ума и чувств, весь субъективный и объективный опыт. Воля становится совершенной, когда она избавляется от своих импульсов и привычных, рутинных способов работы, проникает на более глубокий уровень и обнаруживает внутреннюю силу Духа, являющуюся источником интуитивного и озаренного действия и изначально гармоничного созидания. По мере роста этого совершенства мы выходим из-под власти низшей природы и достигаем состояния, в котором буддхи становится ясным и чистым отражением бытия, силы, знания и восторга высшего «Я» или Духа.

Практикуя Йогу самосовершенствования, мы должны придать этому двойному движению (отстранению от низшей природы и обнаружению самосущего Бытия, Света, Силы и Ананды) максимально возможную полноту. Любое проникновение желаний в буддхи является нечистотой. Интеллект с примесью желаний – это нечистый интеллект, искажающий Истину; воля с примесью желаний – нечистая воля, накладывающая на деятельность души отпечаток искажения, боли и несовершенства. Любое вмешательство эмоций, исходящих от души желаний, является нечистотой и, соответственно, искажает как знание, так и поступки. Любая подчиненность буддхи чувствам и импульсам является нечистотой. Мысль и воля должны отстраниться от желаний, беспокойных эмоций, отвлекающих или подчиняющих побуждений и действовать так, как они считают нужным, до тех пор, пока им не удастся обнаружить более великое руководство – Волю, Тапас или божественную Шакти (которые займут место желаний, ментальной воли и побуждения), а также Ананду или чистое блаженство духа и озаренное духовное знание, которые выразят себя в действиях этой Шакти. Обретение этой полной отстраненности, которая невозможна без абсолютного владения собой, уравновешенности и покоя – *шамы* (*śama*), *саматы* (*samatā*) и *шантти* (*aśānti*) – самый надежный путь к очищению буддхи. Только спокойный, уравновешенный и бесстрастный ум может отражать покой и служить основой для деятельности свободного духа.

Но и в деятельности самого буддхи присутствуют свои примеси и нечистота. Если его свести к его изначальным формам, то мы обнаружим, что его деятельность имеет три уровня или ступени. Самым низким или базовым уровнем является привычная, рутинная ментальная деятельность, выступающая в качестве связующего звена между более высоким рассудком и чувственным умом – своего рода примитивное понимание. Само по себе, это понимание зависит от данных органов чувств и правил действия, которые рассудок устанавливает исходя из впечатлений чувственного ума и его отношения к жизни. На этом уровне ум не способен самостоятельно формировать чистые идеи и намерения, однако, обращаясь к рассуждениям более высокого рассудка, он превращает их в расхожие мнения, привычные стандарты мышления или правила поведения. Когда мы подвергаем мыслящий ум своего рода практическому анализу, отсекаем этот элемент и сохраняем более высокий рассудок свободным, наблюдающим и молчаливым, мы обнаруживаем, что этот примитивный интеллект начинает беспомощно бегать по кругу, стереотипно реагируя на внешние впечатления и повторяя свои привычные мнения, будучи неспособным на какую-либо активную адаптацию или инициативу. Чувствуя, что более высокий рассудок все менее поддерживает его деятельность, он начинает утрачивать свою активность, терять веру в себя, в свои сформировавшиеся взгляды и привычки, сомневаться в интеллектуальной деятельности, приходиться в состояние бездействия и тишины. Успокоение этого примитивного, беспокойного, рутинного, повторяющего одни и те же мысли ума занимает главное место в практике остановки мышления, являющейся одной из самых эффективных йогических практик. Но и сам этот более высокий рассудок имеет свой начальный уровень динамической и прагматической интеллектуальности, где подлинными мотивами являются созидание, действие и воля, а мысль и знание используются для формирования основных программ действий и идей, которые служат главным образом для реализации того или иного замысла. Для этого прагматического рассудка истина – всего лишь творение интеллекта, с помощью которого можно эффективно влиять на процессы внутренней и внешней жизни. Когда мы отделяем его от еще более высокого рассудка, который стремится скорее безлично отражать Истину, чем лично создавать полезные в практическом применении истины, то обнаруживаем, что этот прагматический рассудок может творить, развиваться, обогащаться опытом за счет активного познания, но он вынужден зависеть от общепринятого понимания, видя в нем основание и фундамент, и всем своим весом опирается на жизнь и становление. Поэтому, сам по себе, это ум Воли к жизни и деятельности – в большей степени ум Воли, чем ум знания: ему

неведома какая-либо устойчивая, постоянная или вечная Истина, он живет в развивающихся и изменяющихся аспектах Истины, которые служат изменчивым формам нашей жизни и становления или, в лучшем случае, помогают жизни расти и развиваться. Сам по себе этот прагматический ум не способен нам дать ни твердой опоры, ни постоянной цели; он живет в истине момента, а не в истине вечности. Но, если его избавить от зависимости от привычного понимания, он делается великим творцом и, будучи поддержан высшим ментальным рассудком, становится могучим посредником и отважным служителем, претворяющим замыслы Истины в жизнь. Качество его трудов зависит от качеств и силы высшего рассудка, ищущего истину. Сам же по себе он – игрушка Времени и невольник Жизни. Искатель Безмолвия должен отбросить его; искатель интегральной Божественности должен превзойти его, заменить и трансформировать этот думающий, но поглощенный Жизнью ум более великой духовной и действующей Волей – Истиной-Волей духа.

Третьим и самым возвышенным уровнем буддхи – интеллектуальной воли и рассудка – является интеллект, бескорыстно ищущий некую универсальную реальность или еще более высокую самосущую Истину и пытающийся жить в этой Истине. Это в первую очередь разум знания и только во вторую – разум Воли. Когда в стремлении к знанию он впадает в излишнюю крайность, то он часто становится неспособным на проявление Воли, за исключением разве что воли к знанию; в своей деятельности он зависит от прагматического ума, поэтому человек, действуя, склонен отходить от чистоты Истины, свойственной его высочайшему знанию, и допускать в своей работе сумятицу, не самые высокие и чистые побуждения, непостоянство и искажения. Расхождение между волей и знанием, даже когда оно еще не стало противоречием, – один из главных недостатков человеческого буддхи. Но человеческому мышлению присущи и другие ограничения. Этот высший уровень буддхи не функционирует в человеке со свойственной ему чистотой; он подвержен влиянию многочисленных дефектов более низкой ментальности, постоянно омрачается ею, искажается, блокируется, ограничивается и не может выполнять или с трудом выполняет присущие ему функции. Даже освободившись, насколько возможно, от этой привычки к металлической деградации, человеческий буддхи остается только искателем Истины и никогда не может полностью или непосредственно овладеть ею; он способен только отражать истину духа и, придавая ей ограниченный ментальный смысл и определенную интеллектуальную форму, пытаться сделать ее своей. И отражает он ее не интегрально, а либо в виде смутного целого, либо в виде совокупности ограниченных аспектов. Он улавливает то или иное частичное отражение Истины и, подчиняясь привычке рутинного ума, превращает его в непреложное мнение, которое его связывает и лишает свободы; на любую новую истину он смотрит со сформированной таким образом точки зрения, а значит, через ограничивающую призму предвзятости и односторонности. Даже если его удастся насколько возможно избавить от этой привычки ограниченного суждения, он остается подверженным другому недостатку – требованиям прагматического ума, который торопит его приступить к осуществлению того или иного замысла, не оставляет ему времени добраться до более обширной истины и, вынуждая разрабатывать эффективный план реализации, ограничивает его тем, что тот уже познал, понял и пережил. Освобожденный от всех этих цепей, буддхи может стать чистым и гибким отражателем Истины, добавляя одно озарение к другому, переходя от реализации к реализации. И тогда остаются только его собственные ограничения.

Эти ограничения бывают в основном двух видов. Во-первых, реализации буддхи всегда только ментальные; чтобы достичь Истины, нам необходимо подняться выше ментального буддхи. К тому же сама природа этого ума не позволяет ему эффективно объединять познаваемые им истины. Он может только располагать их рядом и сопоставлять или находить различия или же создавать из них своего рода частичную комбинацию в практических целях. Однако, в конце концов, он обнаруживает, что аспекты Истины бесконечны и что ни одна из

ее интеллектуальных форм не может быть абсолютно достоверной, так как дух бесконечен и в духе все истинно, – и что на уровне ума никакая концепция не может вместить всей истины духа. Тогда он либо становится чистым зеркалом, дающим мириады отражений и отражающим любую уловленную им истину, но при этом неэффективным и в практической деятельности хаотичным или неспособным к принятию решений, либо ему приходится выбирать какую-то частную истину и действовать так, как будто это вся истина, хотя он знает, что это не так. Он действует в ограничивающих рамках Неведения, хотя Истина, которой он придерживается, может намного превосходить его действия. Но он может также отвернуться от жизни и мысли и попытаться превзойти себя и подняться в некую запредельную для него Истину. Он может это сделать, сосредоточиваясь на каком-то аспекте, каком-то принципе, символе или образе реальности и достигнув в его познании некой абсолютной, всепоглощающей и всеисключающей реализации или же осознавая и реализуя некую идею о бескачественном Бытии или Небытии, которому чуждо всякое движение ума и жизни. Тогда буддхи погружается в светлый сон, а душа уходит в невыразимые сферы высочайшего духовного бытия.

Поэтому, работая с буддхи, мы должны пойти по одному из этих путей или, что случается более редко, отправиться в более рискованное путешествие и попытаться поднять душу за пределы ментального бытия в духовный гнозис, чтобы посмотреть, что можно обрести в самом центре этого высшего света и силы. В этом гнозисе, в небесах верховного сознательного Бытия, сияет солнце божественного Знания-Воли, по сравнению с которым ментальное сознание и воля это лишь слабый отблеск отраженных, рассеянных и преломленных лучей света. Этому плану свойственно божественное единство, но, тем не менее, или именно поэтому он способен управлять множеством и разнообразием: каким бы ни был выбор, самоограничение или действия, которые он совершает, это не обуславливается Неведением, а спонтанно рождается силой божественного Знания, которой он обладает. Когда гнозис достигнут, его влияние может быть направлено на всю природу с тем, чтобы обоже- ствить человеческое существо. Невозможно подняться на план гнозиса одним махом; если бы это удалось, то это означало бы резкий и неистовый прыжок в запредельное, прохождение или прорыв через врата Солнца, *сурьясья двара (sūryasya dvārā)*, почти без всякой надежды на возвращение. Мы должны сформировать и использовать в качестве связующего средства или моста интуитивный или озаренный ум, который не является непосредственно гнозисом, но на уровне которого может быть сформировано первое тело, производное от плана гнозиса. Этот озаренный ум сначала будет смешанным инструментом, который нам потребуется очистить от всей ментальной зависимости и ментальных форм, чтобы с помощью озаренной проницательности, интуиции, вдохновения и откровения сделать каждую мысль прозрением, а каждое намерение – истинной волей-видением. Это станет финальным очищением интеллекта и подготовкой к обретению гностических сиддхи.

Глава VIII. Освобождение Духа

Очищение ментального существа и психической праны – мы пока что не будем касаться физического очищения, то есть тела и физической праны, хотя оно также необходимо, если мы намерены достичь интегрального совершенства, – готовит почву для духовного освобождения. *Шуддхи* (*śuddhi*) предворяет *мукти* (*mukti*). Любое очищение – это сбрасывание оков, выход на свободу; ибо мы избавляемся от ограничивающих, стесняющих, омрачающих несовершенств и внутренних противоречий. Избавление от желания делает психическую прану свободной, избавление от ложных эмоций и беспокойных реакций делает свободным сердце, избавление от смутных и ограниченных идей чувственного ума приносит свободу интеллекту, избавление от обычного интеллектуализирования освобождает гнозис. Но все это только освобождение инструментов духа. Освобождение души, *мукти*, по своему характеру более величественно и сокровенно; это выход за пределы смертной ограниченности в безграничное бессмертие Духа.

Согласно некоторым доктринам, освобождение означает избавление от всей природы, погружение в безмолвие чистого бытия, в Нирвану, или угасание, растворение природного существования в некоем неопишемом Абсолюте, *мокша* (*mokṣa*). Но всепоглощающее блаженство, безграничность неподвижного покоя, обретение свободы в Абсолюте путем угасания или растворения в нем – не наша цель. Для нас понятие «освобождение», *мукти* (*mukti*), означает лишь то внутреннее изменение, которым обычно сопровождается любой подобный опыт и которое является важнейшей составляющей совершенства и необходимо для духовной свободы. Мы увидим, что это изменение всегда включает в себя два элемента: негативный и позитивный, отвержение и принятие; отвергая, мы освобождаемся от фундаментальных ограничений, развязываем наиболее крупные узлы души низшей природы; принимая, мы открываемся более высокому духовному существованию или возрастаем до его состояния. Но что это за самые крупные узлы – которые по своей запутанности, глубине и характеру отличаются от инструментальных узлов ума, сердца и психической жизненной силы? Понять, каковы они, нам помогает Гита, где на них неоднократно указывает Кришна и настойчиво и категорично говорит о необходимости их преодоления; их четыре – желание, эго, двойственность и три гуны Природы; с точки зрения Гиты, не иметь желаний, эго, обладать невозмутимостью ума, души и духа и превзойти гуны (*nistaiḡuḡya*) значит быть свободным, *муктой* (*mukta*). Мы можем согласиться с этим перечнем; ибо в него включено все самое важное. Если же взглянуть с другой, позитивной точки зрения, то быть свободным – значит быть универсальным в душе, трансцендентно единым с Богом в духе и обладать высочайшей божественной природой – иными словами, походить на Бога или жить с ним по одному и тому же закону бытия. Именно в этом и заключается интегральная свобода духа и подлинный смысл освобождения.

Нам уже приходилось говорить об избавлении от психического желания, эволюционной или (как мы бы сказали) фактической основой которого является жажда, присущая пране. Но все это касалось ментальной и психической природы; духовное освобождение от желания имеет намного более широкий и более глубокий смысл, ибо желание имеет два узла: низший – в пране, которая наполняет жаждой инструменты, и очень тонкий узел – в самой душе, – первичной опорой, *прамишмхой* (*pratiḡḡhā*), которого является буддхи и в котором заключен глубинный источник сетей нашего рабства. Когда мы смотрим снизу, желание представляется нам жаждой жизненной силы, которая на уровне эмоций утончается и превращается в жажду сердца, затем на уровне интеллекта еще более утончается и превращается в жажду, предпочтение и страстность, пронизывающие эстетические, этические, динамические или рациональные наклонности буддхи. Это желание очень важно для

обычного человека; он не может жить и действовать, как индивид, не связывая каждое свое действие с каким-либо низким или высоким желанием, предпочтением или страстью. Когда же нам удастся взглянуть на желание сверху, мы видим, что оно является инструментальным средством, поддерживаемым волей духа. Есть воля – *manas (tapas)*, *шакти (śakti)*, – с помощью которой тайный дух заставляет свои внешние части осуществлять свою деятельность и черпает в ней активный восторг бытия, Ананду, который эти части чрезвычайно невежественно и несовершенно и едва ли сознательно разделяет. Такого рода тапас является волей трансцендентного духа, иницирующего универсальное движение, универсального духа, поддерживающего и вдохновляющего его, а также свободного индивидуального духа, являющегося центром существования души в многообразии его проявлений. Эта единая всеобъемлющая, гармонизирующая и объединяющая воля всегда свободна во всех этих ипостасях; мы обнаруживаем, пребывая и действуя в духе, что она является спонтанной и озаренной, удовлетворенной и блаженной волей духовного восторга бытия, которая реализует себя и владеет собой естественным образом.

Но в тот момент, когда индивидуальная душа отстает от универсальной и трансцендентной истины своего бытия, склоняется в сторону эго, пытается присвоить эту волю, превратить ее в отдельную личную энергию, характер этой воли меняется: она становится усилием, напряжением, горячечным рвением, которое может сопровождаться пылкими радостями осуществления и обладания, но также и горечью разочарования и муками тяжкого труда. Именно эта изолированная воля превращается в каждом инструменте в интеллектуальное, эмоциональное, динамическое, чувственное или витальное намерение получить то, что кажется желанным, нужным или приятным. Даже когда инструменты сами по себе очищены от их собственных побудительных мотивов и присущего им типа желания, этот несовершенный тапас все еще может сохраняться, и, пока он скрывает источник или искажает характер внутренней деятельности, душа не обладает блаженством свободы или может обладать им, только прекращая действовать; более того, если позволить ему сохраняться, то он вновь пробудит пранические или другие желания или, по крайней мере, вызовет в существе смутные воспоминания о них. Этот духовный росток, или корень желания, также должен быть вырван и отброшен: садхак должен либо предпочесть активный покой и сделать внутреннее безмолвие абсолютным, либо утратить личную инициативу, *санкальпарамбха (saṅkalpārambha)*, и стать единым с универсальной волей, Тапасом божественной Шакти. Пассивный способ – быть внутренне неподвижным, не прилагать усилий, ничего не желать, не ожидать, не выказывать предпочтений никакому роду деятельности, *niśceṣṭa, anīha, nirapekṣa, nivṛtta*; активный способ – быть столь же неподвижным и безличным в уме, но позволить высшей Воле в ее духовной чистоте действовать через очищенные инструменты. Тогда, если душа пребывает на уровне одухотворенной ментальности, она становится только инструментом, но сама не действует и не проявляет никакой инициативы, *niḥkriya, sarvārambha-parityāgī*. Если же она достигает гнозиса, то одновременно становится проводником и носителем блаженства божественной деятельности и блаженства божественной Ананды; она объединяет в себе *пракрити (prakṛiti)* и *пурушу (puruṣa)*.

Эгоцентрическая позиция, восприятие себя как отдельного существа, изолированного от окружающего мира, лежит в основе всего сложного и запутанного механизма неведения и рабской зависимости. Пока человек не свободен от чувства эго, реальной свободы быть не может. Считается, что корень эго находится в буддхи: в основе эго лежит неведение различающего ума и рассудка, которые делают ложные различия и ошибочно считают индивидуализацию ума, жизни и тела истиной изолированного существования и отворачиваются от более великой примиряющей истины целостности всего существования. В любом случае, в человеке именно идея эго прежде всего поддерживает ложь изолированного существования; поэтому достаточно эффективным средством является избавление от этой идеи и сосредото-

чение на противоположной идее единства, единого «я», единого духа и единого бытия природы; но, само по себе, это средство не обладает абсолютной эффективностью. Ибо эго, хотя оно и опирается на это эгоцентрическое представление, *ахам буддхи* (*aham buddhi*), находит самые мощные средства для упорного или отчаянного продолжения существования в обычной деятельности чувственного ума, праны и тела. Чтобы полностью отбросить от себя идею эго или сделать это максимально эффективно, нужно подвергнуть эти инструменты очищению; ибо, пока их деятельность будет сохранять свою эгоцентричность и обособленность, буддхи будет уноситься ими, по словам Гиты, словно парусник уносится ветром, и постоянно омрачаемое или временно утрачиваемое интеллектуальное знание придется восстанавливать снова и снова – а это самый настоящий Сизифов труд. Но если низшие инструменты очищены от эгоистического желания, намерения, воли, эгоистических страстей, эгоистических эмоций, а сам буддхи – от эгоистической идеи и предпочтения, знание духовной истины единства может обрести прочное основание. А пока этого не сделано, эго будет принимать всевозможные утонченные формы, а мы – воображать, что свободны от него, действуя на самом деле как его инструменты. В лучшем случае, мы достигнем лишь некоей интеллектуальной уравновешенности, но не подлинного духовного освобождения. К тому же недостаточно избавиться от активного чувства эго; это может просто привести ум в неактивное состояние – деятельный эгоизм будет замещен пассивным инертным покоем изолированного существа, что также не является подлинным освобождением. Чувство эго нужно заменить ощущением единства с трансцендентным Божественным и с универсальным существованием.

Это необходимо потому, что буддхи является только *праптимхой* (*prati#hā*) или главной опорой чувства эго, *аханкары* (*aha#kāra*), в его многоплановой игре; по сути же *аханкара* представляет собой деградацию и искажение истины нашего духовного бытия. Истина бытия заключается в том, что существует некое трансцендентное существование, высшее «я» или дух, вневременная душа существования, вечное, Божественное – мы даже можем, используя современные ментальные представления о Всевышнем, назвать его некоей сверх-Божественностью, которая присутствует во всем, объемлет все, все порождает и всем управляет, великим универсальным Духом; индивидуум же – это сознательная сила бытия Вечного, извечно способная на отношения с ним, но также и единая с ним в сокровенных глубинах своего собственного вечного существования. Это та истина, которую интеллект способен постичь, а когда он очищен, то становится способен ее отразить, передать, обладать ею в опосредованном виде. Однако только в духе ее можно полностью реализовать, пережить и сделать действенной. Живя в духе, мы не только знаем, но и являемся этой истиной своего бытия. Пребывая в духе, в блаженстве духа, индивидуум наслаждается своим единством со вселенским существованием, с вневременным Божественным и со всеми существами. В этом и заключается подлинный смысл духовного освобождения от эго. Но как только душа склоняется к ментальной ограниченности, возникает определенное чувство духовной отделенности, имеющее свои радости, но в любой момент способное пасть с духовных высот и перейти во всепоглощающее чувство эго, неведение, забвение единства. Чтобы избавиться от этой отделенности, делается попытка сосредоточиться на идее и реализации Божественного, что в определенных формах духовного аскетизма превращается в усилия, направленные на то, чтобы избавиться от всякого ощущения индивидуального бытия и отказаться, путем погружения во всепоглощающий транс, от любых индивидуальных или универсальных отношений с Божественным. В других дисциплинах это становится всепоглощающим пребыванием в Божественном за пределами этого мира или постоянным всепоглощающим или самозабвенным нахождением в его присутствии, *sāyujya*, *sālōkya*, *sāmīpya mukti*. Путь, который предлагает интегральная Йога, заключается в возвышении и отдаче ему всего существа, благодаря чему мы не только становимся едины с Божественным в нашем

духовном существовании, но также и пребываем в нем, а оно в нас. В результате такого рода взаимопроникновения вся наша природа наполняется его присутствием и превращается в божественную природу; мы становимся с Божественным одним духом, сознанием, жизнью и субстанцией и одновременно живем и движемся в этом единстве и всемерно наслаждаемся им. Это интегральное освобождение от оков эго и погружение в божественный дух и природу может быть только относительно полным на нашем нынешнем уровне, но оно начинает становиться абсолютным, когда мы открываемся гнозису и поднимаемся на уровень его сознания. Так, совершенствуя себя, мы достигаем освобождения.

Избавление от эго и избавление от желания вместе закладывают фундамент внутренней духовной свободы. Чувство, представление, ощущение, что я есть отдельное и независимое существо во вселенной, и ограничение сознания и силы существа рамками такого восприятия и являются причиной всякого страдания, неведения и зла. Ибо такое восприятие и в познании, и в практической жизни искажает всю подлинную истину вещей; оно ограничивает существо, ограничивает сознание, ограничивает энергию нашего бытия, ограничивает блаженство бытия, а это ограничение, в свою очередь, формирует ложный способ существования, ложный способ осознания, ложный способ использования энергии нашего бытия и сознания и ложные, извращенные и противоречивые формы восторга существования. Душа, ограниченная в своем бытии и изолировавшая себя от окружающего мира, более не чувствует, что находится в единстве и гармонии со своим «Я», с Богом, со вселенной, со всеми вокруг; она, скорее, обнаруживает, что находится в противоречии с миром, в конфликтах и разногласиях с другими существами – которые являются ее другими «я», но которых она рассматривает как «не-я»; и пока это противостояние и конфликты продолжаются, душа не может овладеть своим миром, не может наслаждаться универсальной жизнью, а испытывает множество неприятных переживаний, страхов, разного рода страданий, мучительно борется, пытается сохранить себя, расширить пределы своего влияния и овладеть своим окружением, – ибо владение своим миром свойственно бесконечному духу и к этому неизбежно стремится любое существо. Удовлетворение, которое она получает от этого труда и усилий, крайне ограничено, извращено и неполно: ибо единственное, что может дать ей подлинное удовлетворение, это постоянный внутренний рост, все большее и большее возвращение к своей истинной сути, обретение гармонии и согласия, успешное самосозидание и самореализация; но в этом она мало преуспевает, и те скудные результаты, которые ей удастся получить, опираясь на эгоистическое сознание, всегда ограничены, ненадежны, несовершенны, преходящи. Сверх того, она борется с собой: во-первых, потому что, более не обладая центральной гармонизирующей истиной своего собственного бытия, она не может эффективно контролировать свои природные части или приводить в согласие их склонности, способности и требования, иными словами, она не владеет секретом гармонии, так как не владеет ключом к своему собственному единству и самообладанию; а во-вторых, эта борьба идет из-за того, что, не осознавая свое высочайшее «я», она вынуждена с трудом пробиваться к нему и, пока она не утвердится в своем собственном истинном высочайшем бытии, ей не знать покоя. Все это означает, что она не едина с Богом; ибо быть единым с Богом – значит быть единым с собой, со вселенной и со всеми существами. Это единство – ключ к истинному и божественному существованию. Но эго не может обладать им, так как оно по самой своей природе склонно к отделению и так как, даже в том, что касается нас самих, нашего собственного психологического существования, оно является ложным центром объединения; ибо оно пытается интегрировать наше существо, отождествляясь с изменчивыми ментальной, витальной и физической личностями, а не с вечным «я» всего нашего существования. Только пребывая в духовном «я», мы можем обрести подлинное единство; ибо там индивидуум расширяется в безграничность своего собственного абсолютного бытия и обнаруживает, что един с универсальным существованием и трансцендентным Божеством.

Все страдания и мучения души проистекают из этого ложного эгоистического и изолированного способа существования. Душа не осознаёт своего свободного самосущего бытия, *анатмаван* (*anātmavān*), так как ее сознание и знание ограничены; и это ограниченное знание вынуждает ее ложно воспринимать себя и мир. Она должна бороться и преодолеть множество трудностей, чтобы вернуться к подлинному знанию. Что же касается эго в изолированном уме, то его удовлетворяют обрывки и фрагменты знания, из которых оно складывает ложное или несовершенное целое или формирует некий основополагающий принцип. Но такого рода знание подводит его, и эго приходится отказываться от него, чтобы снова пуститься на поиски единственного объекта, достойного познания. Этим объектом является Божественное, высшее «Я», Дух, в котором универсальное и индивидуальное бытие, наконец, обретают подлинную основу и свои истинные гармонии. Кроме того, будучи ограниченной в своей силе, душа, пребывающая в плену эго, страдает множеством недостатков: ее ложное знание сопровождается ложной волей, ложными наклонностями и ложными побуждениями, а острое ощущение этой неправильности порождает человеческое чувство греха. Эту ущербность собственной природы душа пытается исправить, следуя правилам поведения, которые должны помочь ей заменить эгоистическое сознание и эгоистическое удовлетворение греха эгоистическим сознанием и эгоистическим удовлетворением добродетели, то есть заменить раджасический эгоизм саттвическим. Однако необходимо исцелить первородный грех – отделение бытия и воли души от божественного Бытия и божественной Воли; когда душа вновь обретает единство с божественной Волей и Бытием, она, поднимаясь в бесконечную самосущую чистоту и неизменность своей собственной божественной природы, превосходит и грех, и добродетель. Свою земную неспособность она пытается устранить, упорядочивая свое несовершенное знание, дисциплинируя свою наполовину просветленную волю и силу и стараясь постоянно подчинять их указаниям рассудка; но в конечном счете способ ее действия и эффективность деятельности неизбежно оказываются ограниченными, ненадежными, изменчивыми и ущербными. Только когда она снова возвращается к всеобъемлющему единству свободного духа, *бхума* (*bhūmā*), ее природа может начать действовать безупречно, как инструмент бесконечного Духа, следуя ритмам Порядка, Истины и Силы, свойственным свободной душе, действующей из высшего центра своего существования. И, наконец, поскольку плененная душа ограничена в своем восприятии восторга бытия, она не способна уловить неизменное, самодостаточное и совершенное блаженство духа или тот восторг, ту Ананду вселенной, которая поддерживает мировое движение. Она может лишь двигаться в мутном и хаотичном потоке удовольствий и страданий, радостей и печалей или вынуждена искать прибежища в некоей сознательной бессознательности или нейтральном безразличии. Ментальное эго не может поступить иначе, и душа, облекшаяся в форму эго, вынуждена вкушать это не приносящее удовлетворения вторичное, несовершенное, часто извращенное, беспокойное и иллюзорное наслаждение; но, тем не менее, духовная и универсальная Ананда всегда пребывает внутри, в истинном «я», в духе, в его тайном единстве с Богом и существованием. Сбрасывая цепи эго и вновь обретая свободное «я», бессмертное духовное бытие, душа возвращается к своей собственной вечной божественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.